

ОПРИЧНИНА

Дмитрий
ВИНТЕР

от
Ивана
Грозного
до Путина

Дмитрий Винтер
Опричнина. От Ивана
Грозного до Путина
Серия «Опасная история (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8707486

*Дмитрий Винтер Опричнина. От Ивана Грозного до Путина: Якуза,
Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-76450-1*

Аннотация

Сейчас всё чаще говорят о необходимости «новой опричнины» для борьбы против «пятой колонны» и коррупции. Мол, российские «элиты» настолько поражены воровством и предательством, а метастазы измены настолько глубоко проникли во все правоохранительные органы, что по примеру Ивана Грозного требуется создать абсолютно новую силовую структуру, подотчетную лишь главе государства.

Вот только чем закончился этот «эксперимент» пять веков назад? Чему нас учит опыт истории? Стала ли ОПРИЧНИНА спасением для Руси – или, наоборот, погубила Московское царство? Можно ли установить власть закона незаконными методами? И какую цену приходится платить за тиранию и репрессии?

Содержание

«Русь изначальная»: Европа или нет?	4
О чем пойдет речь	4
Самодержавие «от Рюрика»?	9
Начало Московской Руси	23
Европейское столетие России (1462–1560)	29
«Релаксация»?	29
Адашев и Сильвестр: «дней Иоанновых прекрасное начало»	43
На историческом распутье	56
От феодальных порядков – к чему?	56
Внешнеполитический выбор: не «Ливония или Крым», а «национальная идея или химера»	72
Поворот «От избранной рады к опричнине»	87
«Реформы закончены, забудьте»	87
При чем тут Орда?	100
Начало Опричнины	117
Из кого набиралась опричная гвардия?	126
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Дмитрий Винтер

Опричнина. От Ивана Грозного до Путина

**«Русь изначальная»:
Европа или нет?**

О чем пойдет речь

В последние годы в нашей стране снова получила распространение концепция «изначальности» в России самодержавия и деспотизма, того, что у нас никогда не было своих традиций свободы (ну, в лучшем случае в домонгольской Руси и в Новгороде...); если выразить эту точку зрения в одном предложении, то она будет звучать так: русский народ – «тысячелетний раб».

Из подобных рассуждений логически вытекает: если история России – сплошное авторитарное правление, самодержавие и «рабство», а своих традиций свободы у нас никогда не было, значит, все позитивное в этом плане можно заимствовать только из-за рубежа, в первую очередь – с Запада.

Если, конечно, это вообще возможно, если Россия не «обречена» вечно жить так, как живет. Как высказался один из «отрицателей России» новой волны, «пора понять простую и очевидную истину – эта страна и этот народ безнадежны».

Оппоненты отечественных либералов – защитники «православия, самодержавия, народности» – соглашались с нами, расходясь только в том, что, по их мнению, сложившуюся систему менять и не надо, поскольку деспотизм, авторитаризм и все такое прочее – это «наше все», «на том стоим», идеальный вариант развития России – это как раз «сильная рука», «хозяин в доме», потиранистее да покруче, да кнут подлиннее (в зависимости от взглядов антилибералов – включая или не включая советские «модификации» этих ипостасей, а равно «православия, самодержавия, народности»), а свобода и демократия России, по мнению этой публики, никогда ничего, кроме вреда, не приносили.

Помимо всего прочего, такой подход автоматически ставит сторонников «особого пути России» (в том числе «модифицированных» советских его вариантов) в положение патриотов, защитников «исконно русских ценностей», а тех, кто призывает к изменению такого типа отношений – в положение «агентов влияния» Запада, которые покушаются на «наше все» и хотят привнести в нашу жизнь «чуждые нам жизненные установки».

Между тем при переустройстве государства в современном демократическом ключе очень важно опираться в

первую очередь на отечественную традицию. Так, например, творцы первой испанской конституции 1812 г. подчеркивали именно опору на отечественную традицию «кортесов», которые примерно на полвека старше, скажем, английского парламента¹.

При этом сами сторонники «особого незападного пути России», говорящие о «тысячелетней традиции самодержавия» (не все, но многие), переходя к конкретным именам, начинают эту традицию только с Ивана Грозного, т. е. с периода, отстоящего от нашего времени всего на 450 лет. Это относится и к иностранным ревнителям отечественной «особости». Вот, например, что пишет американец М. Вайнс («Нью-Йорк тайме», 9 января 2000 г.). В его статье речь идет о только что (31 декабря 1999 г.) ушедшем в отставку Б. Н. Ельцине, однако начинается она замечанием о России как о «великой нации, способной похвастать 1100-летней родословной самодержцев – от Ивана Грозного до... дядюшки Джо Сталина»². Такая хронологическая постановка проблемы, однако, неизбежно порождает вопрос: а что было в нашей истории *до* Ивана Грозного, т. е. на протяжении предыдущих 600–700 лет?

Поскольку очень многие из тех, кто к такой реставрации

¹ Пискорский В. К. История Испании и Португалии. От падения Римской Империи до начала XX в. М., 2011. С. 215–216.

² Цит. по: Янов А. Л. Европейское столетие России (1462–1560). М., 2009. С. 421.

«православия, самодержавия, народности» призывают, поднимают на щит именно Ивана Грозного, то личность и правление первого русского правителя, официально принявшего царский титул, остается весьма важной (по моему мнению, которое будет обосновано в этой книге, – самой важной) для изучения. Поэтому необходимо ответить на следующие вопросы.

Почему именно Иван Грозный так важен для изучения нашей истории?

Был ли он деспотом, тираном и душегубом?

Каким политическим строем жила Россия до Ивана Грозного?

Что стало после него?

Какие плоды дало оставленное им наследство?

И главный вопрос (применительно к самому Ивану Грозному): полезно или вредно для России было его правление?

Для начала вернемся к проблеме «тысячелетней самодержавной традиции». О «родословной самодержцев от Ивана Грозного» пишет все-таки американец (хотя и в родных пенатах таких хватает), тогда как многие наши доморощенные политологи говорят «о тысячелетней самодержавной традиции от Рюрика». Вот, например, позиция автора вузовского учебника о Российской цивилизации В. В. Викторова: «Крещение Руси и введение Православия в роли государственной религии означало принятие идеи *самодержавной власти* (выделено мною. – Д. В.) и монархии как формы государ-

ственного устройства³.

Так вот, в связи с этим – еще один вопрос: имела ли место в нашей стране «1100-летняя традиция самодержавия», равно как и 1100-летнее отличие от Европы, как утверждают многие «антилибералы»? И если нет, то когда и как самодержавная традиция началась? И что было до нее?

На основании ответов на все перечисленные вопросы – об Иване Грозном и не об Иване Грозном – необходимо поставить еще один вопрос, можно сказать, «вопрос вопросов»: так что же полезнее для России – тирания или свобода?

³ *Викторов В. В.* Российская цивилизация: тенденции развития от истоков к современности. М., 2009. С. 67.

Самодержавие «от Рюрика»?

Тех, кто отвечает на вопрос о полезности для России тирании и вреде свободы утвердительно, немало. И многие из таких свои взгляды теоретически обосновывают. Например, некая С. Г. Кирдина говорит о жесткой иерархии и централизации власти на Руси с X в., поскольку «вышестоящий уровень налагал на нижестоящие уровни подати, концентрировал судебную и религиозную власть» (о религиозной власти мы поговорим чуть ниже. – Д. В.)⁴, как будто в странах Западной Европы в X в. было не так. При этом она делит все социальные, экономические и политические системы мира на X-матрицы и Y-матрицы.

Для Y-матриц характерны в экономике – частная собственность, наемный труд и конкуренция, в политике – федерация, самоуправление, выборы, многопартийность, демократическое большинство, а также судебные иски как способ решения споров, а в идеологии – индивидуализм, стратификация, свобода. Для X-матриц же в экономике преобладают общая собственность, служебный труд, координация, в политике – административное деление, «вертикаль власти», назначение вместо выборов, общее собрание и единогласие, обращение по инстанциям как способ решения проблем, в

⁴ . Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001. С. 140.

идеологии – коллективизм, эгалитаризм, «порядок»⁵.

При этом «институциональная матрица» есть нечто неизменное, раз навсегда данное, и попытки ее сменить приводят к гибели системы как таковой. Россия у С. Г. Кирдиной, естественно, относится к Х-матрицам, и все попытки что-либо изменить всегда кончались неудачей и впредь на неудачу обречены⁶

Между тем даже достаточно поверхностный анализ развития различных обществ вынуждает (и еще не раз вынудит) согласиться скорее с утверждением политолога К. С. Гаджиева: политическая и социально-экономическая общественная система – это явление динамичное, развивающееся, постоянно обогащающееся в своем содержании и форме, чутко реагирующее на изменения в реалиях окружающего мира»⁷. А вот классификация Кирдиной отличается крайним примитивизмом, «черно-белым» отношением к проблеме. Очевидно, сама она осознает это и вынуждена оговориться, что и в США, например, помимо доминирующего самоуправления, действует и институт властной вертикали, и Федеральный центр может (хотя реально не делает) издавать нормативные акты прямого действия⁸. В целом – под-

⁵ Там же. С. 117, 129, 165.

⁶ Там же. С. 201.

⁷ Гаджиев К. С. Размышления о политической культуре современной России//Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 2. С. 26.

⁸ Кирдина С. Г. Указ. соч. С. 156.

ход Кирдиной представляется столь же «одномерным», как деление социально-экономических и политических систем на «либеральные» и «коллективистские» или «рыночные» и «этатистские». В конце концов, Ф. Фукуяма отмечает тенденцию к централизации и в такой вполне европейской стране, как Франция⁹.

Полный отказ «институциональным матрицам» в праве на развитие вызывает еще большие вопросы. Например, сама С. Г. Кирдина противопоставляет древнейшие цивилизации – Месопотамию и Египет – как соответственно Y-матрицу и X-матрицу¹⁰. Непонятно, почему же в дальнейшем Месопотамия (даже если изначально допустить там наличие Y-матрицы, что как минимум не факт) превратилась в типичную восточную деспотию.

Но вернемся к России. Политолог Г. Аксенов, поддаваясь тому же стереотипу «изначальности самодержавия», отмечает, что у нас по пути развития общественного договора, как в средневековых городах Северной Европы, развивались лишь Псков и Новгород, пока «Москва все не задавила»¹¹. К. С. Гаджиев, вроде бы споря с тезисом о всегдашней авторитарно-коллективистской природе России, говоря, например, что «авторитаризм и коллективизм – не всегда близнецы братья

⁹ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2008. С. 201.

¹⁰ Кирдина С. Г. Указ. соч. С. 86–87.

¹¹ Аксенов Г. Крылья орла. М., 2000. С. 237–238.

и коллективизм отнюдь не исключает демократию», в то же время считает, что «без контроля самодержавия Россия вряд ли бы стала органической целостностью»¹².

Начнем с того, что и в демократическом обществе не дается однозначного ответа на вопрос, что выше – общественное или личное; что первое выше второго, полагали, например, древние греки, на Руси – те же новгородцы, на современном Западе так мыслят многие правые, например, республиканцы в США, тогда как леволибералы сплошь и рядом считают наоборот (например, демократы в тех же США). А вот в деспотиях общественное и личное равно задавлено государственным. Более того, как мне представляется, деспотическое государство не может быть коллективистским в принципе (если, конечно, иметь в виду подлинный, снизу идущий коллективизм, а не согнанные указом сверху массовки с требованием «расстрелять/очередных/взбесившихся собак всех до одного»). Просто потому, что столь усердно насаждающаяся деспотами «круговая порука» (когда за одного наказывают всех) постепенно порождает стремление не просто «не высовываться» и не участвовать ни в каких несанкционированных коллективных акциях, но и всячески «клеить» их участников и тем более зачинщиков, одновременно подчеркивая лояльность «начальству» – именно с целью избежать своей доли коллективной ответственности¹³.

¹² Гаджиев К. С. Указ. соч. С. 27–28.

¹³ Подр. см.: Крылов К. Прогнать чертей! М., 2010. С. 147–164.

Что касается «тысячелетнего самодержавия», то В. Г. Сироткин тоже говорит о «византийском» характере Древней Руси», об «азиатско-византийской надстройке»¹⁴. Его поддерживает В. В. Викторov: «Киевский князь, великий князь Владимирский или Московский был независим от народа. Его власть ограничивалась не снизу, а сверху – Господом Богом».¹⁵ Тот же стандартный набор стереотипов повторяет и А. И. Соловьев: «Постоянная ориентация государства на чрезвычайные методы управления, мощное влияние византийской традиции, доминирование коллективных норм социальной жизни, отсутствие традиций правовой государственности (как-будто в Европе, кроме испытывавшего римское влияние Средиземноморья, они в то время были. – Д. В.), низкая роль механизмов самоуправления...»

А. Л. Янов, возражая всем указанным авторам, рассуждает о двух одинаково древних на Руси традициях.

Первая — да, действительно, патерналистская, связанная с отношением хозяина к своим дворовым служащим, управлявшим его вотчиной, к холопам и кабальным людям, пахавшим княжеский домен. И это было вполне патерналистское отношение хозяина к рабам.

Вторую традицию А. Л. Янов ассоциирует с отношением князя к своим вольным дружинникам, а равно и к боярам. Тут подход был договорной, основанный на взаимных

¹⁴ Сироткин В. Г. Демократия по-русски. М., 1999. С. 17.

¹⁵ Викторov В. В. Указ. соч. С. 67.

обязательствах, зафиксированный в нормах обычного права («старина»). И вот вольные дружинники имели право «отъезда к другому князю». ¹⁶ Однако тут имеется вопрос: а много ли было в Киевской Руси «холопов»? Подавляющее большинство крестьян в средневековой Руси были лично свободны. И отношение к ним, в частности, уважение к их праву менять своих хозяев – это явно вторая традиция: как дружинники имели право отъезда к другому князю, так и крестьяне имели право перехода к другому владельцу. То есть и крестьяне тоже не были бесправными «холопами», а имели какие-то права, которые никем не оспаривались.

Американский историк-русист Р. Пайпс, убежденный сторонник если не «изначальной», то по крайней мере, «со времен татаро-монголов» авторитарно-самодержавной природы России, ни на кого не ссылаясь, пишет, что в княжеских хозяйствах «и вольные / работники / т. е. члены управленческого персонала. – Д. В.) находились в полукабальном состоянии и не могли уйти без воли хозяина». Но и он вынужден признать, что «с населения в целом князю не причиталось ничего, кроме податей, и оно могло как ему заблагорассудится перемещаться из одного княжества в другое», причем свобода перемещения «твердо укоренилась в обычном праве и была *официально признана в договорных грамотах князей* (выделено мною. – Д. В.)» ¹⁷. К. Валишевский тоже,

¹⁶ Янов А. Л. Указ. соч. С. 50.

¹⁷ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2004. С. 68–69.

как мы в дальнейшем увидим, в значительной мере солидарный со взглядами Пайпса (А. Л. Янов называет такую систему взглядов «правлящим стереотипом»), тем не менее вынужден признать, что сохранение веча и уважение к его правам обеспечивалось «рядом» (договором) с князьями¹⁸.

Далее, Р. Пайпс признает, что «лишь к середине XVII в. (о правомерности использования Пайпсом этой даты подробнее речь пойдет в основном тексте книги, в конце его. — Д. В.) ... московские правители сумели наконец заставить и военно-служилый класс, и простолюдинов сидеть на месте. *Юридический обычай* (выделено мною. — Д. В.) гарантировал русским боярам право поступать на службу к князю по своему выбору. Они могли даже служить иноземному правителю, такому, как Великий князь Литовский¹⁹. В свете всего сказанного очевидно, что преобладало договорное отношение князей к подданным всех сословий.

И потом, на Руси, как известно, большую роль в решении политических вопросов играло вече (что само по себе опровергает тезис о том, что князь якобы был «независим от народа» с киевских времен»), Р. Пайпс утверждает, что вече возникло в XI в. в более крупных городах, а до этого князья якобы пользовались властью «в духе средневекового торгового предприятия, не стесняясь ни законом, ни народ-

¹⁸ *Валишевский К.* Иван Грозный. Репринтное издание 1912 г. М., 1989. С. 21.

¹⁹ *Пайпс Р.* Указ. соч. С. 71.

ной волей»²⁰, но утверждает он это, опять-таки ни на кого не ссылаясь, а если и допустить, что он прав, то ведь, например, и в Британии был полутора-двухвековой перерыв между приходом норманнов, упразднивших традиционную британскую свободу, и началом новой свободы в виде «Великой хартии вольностей» и парламента (с 1066 по 1216–1265 гг.); а ведь и на Руси основателями государства считаются (не будем здесь говорить, насколько правомерно) норманнские (варяжские) князья. Но при этом никто не спорит с тем, что участвовать в выборном самоуправлении всегда и везде имеют право только свободные граждане! В Древних Афинах, например, права посещать народное собрание были лишены не только несвободные люди, но и свободные неграждане («перизки»).

Единственную попытку установить на Руси самодержавную власть предпринял суздальский князь Андрей Боголюбский (годы правления 1157–1175; к тому времени политический центр Руси переместился из Киева во Владимиро-Суздальскую землю). Так, он перенес свою резиденцию во Владимир потому, что в Ростове и Суздале горожане избрали его князем на вече, вопреки воле его отца Юрия Долгорукого, и Андрей боялся, что память о вечевом избрании князя сделает его зависимым от подданных, почему и переехал в город, обязанный своим возвышением ему лично.

Андрей впервые предпринял попытку лишить самостоя-

²⁰ Там же. С. 49–50.

тельности Новгород, заставить его принимать назначенных им князей. И вообще, он хотел превратить других русских князей в пешки, которых он будет менять на княжении, ссорить и мирить по своей прихоти. Однако финалом такой политики стало полное фиаско с весьма печальным исходом лично для князя Андрея. Сначала он потерпел два поражения – под Новгородом и под Киевом, потому что насильно присоединенные к его войску отряды других русских земель не хотели сражаться за «тирана»; наконец, летом 1175 г. князь Андрей был вообще убит группой заговорщиков²¹.

В. О. Ключевский писал об Андрее Боголюбском: «В первый раз великий князь, названный отец для младшей братии, обращался... не по-отечески и не по-братски со своими родичами... Эта деятельность была попыткой произвести *переворот в политическом строе Русской земли* (выделено мною. – Д. В.)... Князь Андрей... действовал не по-старому... желая быть «*самовластием*» (выделено мною: во времена Ключевского, как известно, слово «самовластие» было синонимом слова «самодержавие». – Д. В.) всей Суздальской земли»²².

Оппонент А. Л. Янова И. Н. Данилевский в послесловии к яновской трилогии «Россия и Европа» (вышла в

²¹ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. М., 1995. С. 65–75.

²² Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1957. С. 325.

2009 г. в трех книгах – «Европейское столетие России (1462–1560)», «Загадка николаевской России (1825–1855)» и «Драма патриотизма в России (1855–1921)») приводит Андрея Боголюбского в качестве примера того, что и до Ивана Грозного в Северо-Восточной Руси, очаге образования будущей России, было самодержавие²³. В. В. Ильин тоже считает Андрея Боголюбского «первосамодержцем», от которого эта напасть (по крайней мере, в этом месте он самодержавно-деспотической тенденции на Руси явно не симпатизирует) на Руси и пошла: «От толчка, данного Андреем Боголюбским, перенесшим столицу из Киева во Владимир, устроительная деятельность покатила по наклонной плоскости»²⁴.

Р. Пайпс считал, что самодержавные тенденции в Северо-Восточной Руси (историческое ядро будущей Великороссии) были предreshены еще до Андрея Боголюбского. По его мнению, в других княжествах Руси «население (славянское. – Д. В.) появилось прежде князей», тогда как в Северо-Восточной Руси «власть предвосхитила население, так как Северо-Восток был по большей части колонизирован по инициативе и под воздействием князей». До этого, мол, там жили только финно-угорские племена – мордва, меря, мурома, весь, чудь и т. д. В результате этого северо-восточные

²³ Янов А. Л. Драма патриотизма в России (1855–1921). М., 2009. С. 640.

²⁴ Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000. С. 7.

князья обладали такой властью и престижем, на которые сразу не могли рассчитывать их собратья в Новгороде и Литве (т. е. в вошедших в XIV–XV вв. в состав Литовского княжества русских землях, каковыми в указанное время стали территории вплоть до Смоленска. — Д. В.). Земля, по их убеждению, принадлежала им; города, леса, пашни, луга и речные пути были их собственностью, ибо строились, расчищались и эксплуатировались по их повелению. Такое мнение предполагало также, что все живущие на их земле люди были их челядью либо съемщиками; в любом случае, они не могли претендовать на землю и обладать какими-либо неотъемлемыми «правами» (кавычки Р. Пайпса. — Д. В.)»²⁵.

А. Л. Янов, опять-таки возражая им всем, подчеркивает, что речь в данном случае лишь о *неудачной* попытке установления самодержавия, которая плохо кончилась для незадачливого самодержца²⁶, независимо от того, была эта попытка «предрешена всем предыдущим ходом развития Северо-Восточной Руси» или нет. Однако утверждение Р. Пайпса, помимо всего прочего, не выдерживает и испытания этнографией: славяне проникали в междуречье Волги и Оки еще начиная с VI–VIII вв., т. е. задолго до появления в этих местах князей. На Оке жили вятичи, в бассейне Москвы-реки — кривичи²⁷. И тот факт, что Ростов и Суздаль избра-

²⁵ Пайпс Р. Указ. соч. С. 62.

²⁶ Янов А. Л. Драма патриотизма в России. С. 649.

²⁷ История СССР. Ч. 1. С древнейших времен до 1861 года. Под. ред. В. В.

ли Андрея Боголюбского князем на вече, также опровергает концепцию Р. Пайпса. Даже во Владимире, обязанном этому князю своим возвышением, самодержавные тенденции в политике кончились для него плохо.

А Русская Церковь – всегда ли была зависима от государства? Опять-таки проследим ее историю начиная с Древней Руси...

Так вот, православная Церковь в киевские времена подчинялась византийскому императору (точнее, константинопольскому патриарху, который, в свою очередь, подчинялся императору), но никак не киевскому князю. Так что о «копии византийского самодержавия» хотя бы по этой причине не могло быть и речи. Если князь Владимир Святой и действительно, как утверждает В. В. Викторов, «остановился на византийском христианстве в силу того, что оно было лояльно и законопослушно к императорской власти»²⁸, то он очень ошибается.

Помимо всего прочего, имелись между русским и византийским православием и серьезные идеологические различия. Так, в Византии воин не мог стать святым, смерть в бою не рассматривалась как мученичество. Борьба с врагами была жизненно необходима, но не более. Профессия воина в Византии не была окружена такой романтикой и ореолом, как на Западе. Священник не мог взять оружие в руки вооб-

Мавродина. М., 1979. С. 55, 66.

²⁸ Викторов В. В. Указ. соч. С. 67.

ще. В Византии, в отличие от Запада, не было понятия «священная война», которая может вестись по велению Бога и быть позволительной, законной и желательной²⁹.

А теперь спросим себя: к Византии или к Западу была в этом плане ближе Русская православная церковь? Воины причислялись и причисляются к святым, как, например, князь Александр Невский или адмирал Ф. Ф. Ушаков. Монахи имеют полное право выйти в бой с врагом: самые знаменитые участники, например, Куликовской битвы – братья-монахи Александр Пересвет и Родион Ослябя. Даже Иван Грозный, который, как мы далее увидим, старался повернуть Россию на принципиально неевропейский путь развития, делал свои дела с помощью опричников, организованных по образцу западного военно-монашеского ордена в братство, где сам Грозный был игуменом, князь А. Вяземский – келарем (заместитель игумена по административно-хозяйственной части), а Малюта Скуратов – пономарем³⁰. Дм. Володихин прямо называет опричное «братство» «Слободским (от опричной резиденции Грозного в Александровой Слободе) орденом»³¹.

В общем, можно согласиться с резюме Н. А. Бердяева, что Русь до монгольского нашествия была государством европейским, «не замкнутым от Запада, восприимчивым и сво-

²⁹ Близнюк С. В. Крестоносцы позднего Средневековья. М., 1999. С. 16.

³⁰ История СССР под ред. В. В. Мавродина. С. 217.

³¹ Володихин Дм. Иван IV Грозный, царь Всея Руси. М., 2013. С. 177.

бодным в своей духовной сути и политической организации»³². И элементы, фрагменты будущего демократического государства и гражданского общества, насколько это вообще было возможно при европейском феодально-средневековом социальном устройстве, в общем, имели место по крайней мере не в меньшей степени, чем в Западной Европе: вольные рыцари-дружинники, лично свободные в подавляющем большинстве крестьяне, а тем более горожане, Церковь – отнюдь не «служанка власти»; и самих князей общество при необходимости умело ограничивать.

³² Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 45.

Начало Московской Руси

Но это все – Русь Киевская и Владимиро-Суздальская. А как насчет Руси Московской?

Принято считать, что Россию свернула с европейского пути развития Золотая Орда. В отличие от евразийцев – «классических» и «неклассических», которые относились к этому факту позитивно и о которых впереди большой и подробный разговор, другие историки (а также политологи и просто «любители порассуждать о судьбах России») воспринимали этот факт негативно, но в его подлинности в подавляющем большинстве не сомневались. Н. М. Карамзин³³ и Н. И. Костомаров³⁴, Карл Маркс³⁵ и маркиз де Кюстин³⁶, Н. А. Бердяев³⁷ и Н. Я. Эйдельман³⁸, Аполлон Кузьмин³⁹ и Ричард

³³ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. V. М., 1993. С. 200–203.

³⁴ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 97—100 и др.

³⁵ Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 3—11.

³⁶ Кюстин А. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. М., 1991. С. 593.

³⁷ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 126.

³⁸ Эйдельман Н. Я. Революция сверху в России. М., 1989. С. 31–34.

³⁹ Кузьмин А. Пропеллер пассионарности, или Теория приватизации истории//Молодая гвардия. 1991. № 9.

Пайпс⁴⁰, демократ-патриот Константин Крылов и русофоб Юрий Нестеренко (автор цитированной выше фразы «... эта страна и этот народ безнадежны») – самые, казалось бы, разные люди, разделенные подчас непримиримыми идейными баррикадами, единодушны в этом вопросе. Однако все значительно сложнее.

Да, самодержавные тенденции, конечно, не минули русских князей, которые быстро усвоили привычку грозить «позвать татар» при любом недовольстве подданных их политикой; со своей стороны, руководство Золотой Орды столь же быстро осознало, что с одними князьями дело иметь легче, чем еще и с боярами, не говоря уже о «широких народных массах»⁴¹, и поддерживало укрепление деспотических тенденций в княжеской власти. Да, действительно, уже в XIV в. на Руси не осталось веча нигде, кроме Новгорода и Пскова, но и там уже Александр Невский в 1255–1257 гг., опираясь на Орду, силой заставил народ принять неугодного князя (своего сына Василия)⁴². Однако все это были отдельные проявления, которые, как мы далее увидим, тенденцией не стали.

Вообще, в последние годы имеет место тенденция обвинять Александра Невского в том, что он отказался изгнать татаро-монголов, опираясь на союз с Западом. Однако, как

⁴⁰ Пайпс Р. Указ. соч. С. 59–61, 127–149.

⁴¹ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 116–118.

⁴² Там же. С. 134–136.

представляется, политика Александра была во многом вынужденной. Надо понимать, что, даже если бы Запад искренне хотел помочь Руси (что само по себе по меньшей мере спорно), то мобильная татаро-монгольская конница растоптала бы восставшие русские земли гораздо раньше, чем Запад с его мощными, но сравнительно медлительными рыцарями пришел бы на помощь⁴³. Так что скорее следует принять классическую историческую версию, согласно которой Александр решил «смириться» на время, чтобы сберечь силы на будущее. Интересно, что А. Л. Янов в своей трилогии «Россия и Европа» даже не приводит Александра Невского как пример князя с самодержавными наклонностями и даже вообще ни разу не упоминает его имени.

Таким образом, если Россия при Николае I была «жандармом Европы», то Золотая Орда вполне может быть названа «жандармом Руси». Но в обоих случаях «жандарм» был внешней силой, способной затормозить прогрессивное развитие «охраняемых», но бессильной его остановить. Неудивительно, что после свержения ордынского ига в 1480 г. Россия-Московия стала европейской страной.

Более того, есть основания думать, что Русь после ига стала еще более европейской страной, чем была: если «вольные дружинники» в домонгольской Руси могли лишь «голосовать ногами», отъезжая на службу к другим князьям, то в

⁴³ Об этом см.: Там же. С. 131; *Клепишин Н. А.* Святой и благоверный князь Александр Невский. Париж, 1927. С.81–82.

«постмонгольской» Руси, по мере того как в ходе централизации право отъезда себя исчерпало (вернее, почти исчерпало, но об этом чуть ниже...), они добились права более ценного – законодательствовать вместе с великим князем⁴⁴. В. О. Ключевский характеризует Русь того времени как «абсолютную монархию (само употребление европейского термина «абсолютизм» вместо «самодержавия» наводит на мысли весьма определенные; о разнице между этими двумя понятиями я еще скажу. – Д. В.), но с аристократическим правительственным персоналом», в которой появился «правительственный класс с аристократической организацией, которую признала сама власть»⁴⁵.

Вот для примера завещание Дмитрия Донского: «Я родился перед вами (боярами. – Д. В.)... с вами княжил, воевал вместе с вами на многие страны и низложил поганных». А следующая фраза обращена к наследникам: «Слушайтесь бояр, *без их воли ничего не делайте*» (выделено мною. – Д. В.)⁴⁶.

Таким образом, при внимательном исследовании отношений государства и подданных Московской Руси XIV–XV вв. опровергается еще один миф русской истории: если Московия и не заимствовала свою деспотическую систему правления прямо у Золотой Орды, то вынуждена была создать такую же в борьбе за свое национальное существование. Вот

⁴⁴ Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 52.

⁴⁵ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 2. М., 1957. С. 180.

⁴⁶ Белов Е. А. Историческое значение русского боярства. СПб, 1896. С. 29.

пишет известный западный историк Тибор Самуэли: «Ее (Москвы. — Д. В.) национальное выживание зависело от перманентной мобилизации ее скудных ресурсов для обороны», и это «было для нее вопросом жизни и смерти», что не могло не привести к «московскому варианту азиатского деспотизма»⁴⁷.

Этот взгляд тоже стал «общим местом» в исторической науке. Даже Н. П. Павлов-Сильванский, отстаивавший вообще-то всегда европейский характер России, настаивал тем не менее, что «упорная борьба за существование» требовала «крайнего напряжения народных сил», в результате чего «в обществе развито было сознание о первейшей необходимости каждого подданного служить государству по мере сил и жертвовать собою для защиты родной земли»⁴⁸.

Но тогда становится непонятно: почему «московской разновидности азиатского деспотизма» не было при том же Дмитрие Донском, которому действительно пришлось для победы на Куликовом поле «напрячь все силы страны»? А вот что пишет С. М. Соловьев про правление Ивана III (1462–1505 гг.): «[Оно] было самым спокойным... татарские нападения касались только границ; но этих нападений было очень немного, вред, ими причиняемый... очень незначителен... остальные войны были наступательными со сто-

⁴⁷ Szamuely T. The Russian Tradition. L., 1976. P.88.

⁴⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди, люди кабальные и закладные. СПб, 1909. С. 223.

роны Москвы: враг не показывался в пределах торжествующего государства».⁴⁹ Ну и где тут «борьба за выживание»? Тот же К. Валишевский признавал, что центральный рычаг управления до Ивана Грозного находился не у Государя, а у Боярской Думы⁵⁰.

А обязательная военная служба для всех дворян, которую принято считать «визитной карточкой» Московии, введена была только в 1556 г.⁵¹, а до того, например, из 272 вотчинников Тверского уезда 53 (почти каждый пятый!) не несли никакой службы⁵². При этом такая «инновация» последовала на исходе первого, успешного и «либерального» (насколько вообще это слово применимо к тем временам...) этапа правления Ивана Грозного. Анализу двух периодов правления первого русского царя, разнице между методами правления и результатами обоих периодов, собственно, и посвящена вся эта книга. Однако сразу отметим интересное совпадение: через неполные десять лет после введения обязательной службы для всех бояр и дворян военные успехи страны сменились военными провалами. Но о введении обязательной военной службы и его последствиях — дальше.

⁴⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн.3. М., 1960. С. 174–175.

⁵⁰ Валишевский К. Указ. соч. С. 49.

⁵¹ Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 239.

⁵² Валишевский К. Указ. соч. С. 267.

Европейское столетие России (1462–1560)

«Релаксация»?

Итак, к 1560 г. Россия оставалась по своим параметрам европейской страной. Вот и современный политолог Г. Аксенов, тоже приверженный, как уже сказано, стереотипу об изначальности в России самодержавия, тем не менее цитирует слова одного известного деятеля партии кадетов на заседании Первой Государственной Думы (1906 г.): «Мы постоянно слышим об особом пути России, о возвращении к «исконно русским началам». Тверская область до середины XV века управлялась на основе одних «исконно русских начал». Однако затем они стали уничтожаться центральной властью, пока Иван Грозный не ликвидировал всякую самостоятельность»⁵³. Обратим внимание: «самостоятельность ликвидировал Иван Грозный», хотя по тексту книги Аксенова имеются намеки на то, что так было и до него начиная с середины XV в.

Вопрос о том, какой же была Россия с середины XV до середины XVI в. – «европейской» или «азиатской» (скажем

⁵³ Аксенов Г. Указ. соч. С. 60.

условно так, а расшифруем разницу между этими понятиями чуть ниже), таким образом, становится очень важным. А. Л. Янов считает, что европейской; автор этих строк разделяет данную точку зрения и готов присоединить к приводимым А. Л. Яновым доказательствам свои.

Начнем с главного – института собственности. Для «азиатского» государства характерно господство «власти-собственности» (по К. Марксу – «азиатского способа производства», по Ю. И. Семенову – «политаризма», можно использовать и другие определения...), то есть такое состояние, когда увеличение-уменьшение (или полная потеря) собственности зависит от близости человека к власти: покаты «в фаворе», твое богатство прирастает, но в любой момент его можно лишиться.

Так вот: была ли в России до Ивана Грозного «власть-собственность» или собственность, как полагается в государстве европейского типа (даже в период раннего абсолютизма), автономна? Э. С. Кульпин – горячий вообще-то сторонник того, что в России «власть-собственность» была всегда начиная с Ивана Грозного, тем не менее тоже считает, что **до** Ивана Грозного ее **не было**, что российский вариант азиатской системы «власти-собственности» сложился в нашей стране только в XVI в.⁵⁴

А теперь вернемся снова к «праву отъезда» служилых лю-

⁵⁴ Кульпин Э. С. Восточный ритм русской истории // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 68.

дей. Как уже говорилось, по мере централизации и создания единого Русского государства оно постепенно теряло смысл, но не совсем. Дело в том, что не все русские земли в это время подчинялись Москве, большая часть Древней Руси до Смоленска в XIII–XV вв. попала, как уже сказано, под власть Великого княжества Литовского.

Так вот, А. Л. Янов приводит как пример «европейскости» новорожденной России признание права феодалов «отъезжать» от одного суверена к другому, что в Европе было нормой. Самое же интересное – это то, что Россия в это время (1462–1560 гг.) была той страной, *в которую* бегут люди (из Литовского княжества), а не той, *из которой* бегут. Так, князья Воротынские, Вяземские, Одоевские, Глинские, Трубецкие – все они в правление в России Ивана III, а в Литве – короля Казимира переселились из Литвы в Московию. Но мало того: Литва просьбами и угрозами добивалась возвращения беглых как «изменников». Московское же правительство изощрялось в аргументации, отстаивая право на отъезд и таким образом оправдывая эти «измены».

Литва требовала выдачи, ссылаясь на договор, обязывавший обе стороны не принимать «зрадцы (изменников), беглецов, лихих людей», на что московский князь возражал, например, по поводу перебежавшего в 1504 г. Астафия Дашковича «со многими дворянами»: мол, в договоре сказано буквально «татя, беглеца, холопа, робу, должника по неправде выдати», а разве князь – это тать? Или холоп? Или лихой

человек? «Остафей же Дашкович у короля был метной человек и воевода бывал, а лихова имени про него не слыхали никакова... а к нам приехал служить добровольно, не учинив никакой шкоды. И наперед того при наших предках... на обе стороны люди ездили без отказа» (орфография оригинала. – Д. В.)⁵⁵. Таким образом, московский князь уверяет литовского, что этот боярин (или пан, если кому-то больше так нравится) – политический эмигрант, а не изменник, а главное – что он свободный человек, который согласно традиции имеет право на отъезд из Литвы в Москву.

Таким образом, московский князь настаивает на том, что подданные литовского короля, как и его собственные, – не рабы, а свободные люди. Можно, конечно, счесть это лицемерием, но и политическое лицемерие имеет пределы. Мыслимо ли, чтобы, например, Л. И. Брежнев (не говоря уже о более ранних советских правителях) в сколь угодно демагогических целях отстаивал право граждан на выезд да еще объявлял его отечественной традицией, подобно тому как Иван III ссылается на «старину»?

Далее, почему, если уж им так было плохо в Литве, западнорусские князья и дворяне не бежали в Польшу или Венгрию? Потому что предпочитали православную Русь? Да, религиозный фактор имел в те времена огромное значение (бежали – несколько позже – например, и французские гугено-

⁵⁵ Дьяконов М. А. Власть московских государей. СПб, 1889. С. 187–191.

ты в единоверные им страны), но – при прочих равных ⁵⁶. Применительно к Московской Руси мы еще очень подробно об этом поговорим; пока отметим только, что не пройдет и ста лет, как сбегут те же православные паны-бояре обратно, несмотря даже на то что положение их единоверцев в Литве за это время резко ухудшится.

Еще одно подтверждение европейского характера Московии «до Опричнины» – вполне европейское обращение Ивана III с мятежным Новгородом. Да, Иван подчинил Новгород себе, как в то время подавляли региональный сепаратизм и западноевропейские монархи. Многие европейские страны переживали в это время подобные процессы. Ф. Фукуяма, например, как уже сказано, констатирует наличие таких тенденций во Франции тех же времен (и далее, до конца XX столетия): в Англии, мол, монархия проиграла и вынуждена была пойти на некоторые конституционные ограничения, во Франции же одержала победу, что положило начало долгой централизации власти в руках абсолютистского государства⁵⁷.

Но при этом Иван III не собирался уничтожать вольности Новгорода, если последний откажется от союза с Литвой. И действительно, все 1460-е гг. в Новгородской республике усиливалась пролитовская партия. Тем не менее, как признает английский историк Дж. Феннелл, «одни лишь оскорбле-

⁵⁶ Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 109–111.

⁵⁷ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 75.

ния (со стороны лидеров пролитовской партии в адрес Великого Князя Московского. — *Д. В.*)... вряд ли могли быть использованы как предлог для серьезной экспедиции, призванной сокрушить то, что в конце концов было русским православным государством»⁵⁸.

Можно ли представить Ивана Грозного, спрашивающего себя, достаточно ли у него поводов для карательной экспедиции? Мысль Ивана III работала принципиально иначе: пусть Новгород первым нарушит «старину», т. е. старые договорные обязательства; таким нарушением и стал союз с Литвой. Но и после этого московский князь не разгромил Новгород, даже вольности его после первого похода 1471 г. не уничтожил.

Не помогло: Новгород снова вступил в сношения с Литвой. Тогда в 1478 г. произошла более жесткая экзекуция. Теперь вечевого колокол был снят, лидеров оппозиции сослали, некоторых даже казнили, но Новгород как таковой не пострадал. Иван всего лишь объявил, что хочет «господарства на своей отчине Великом Новгороде такова, как наше государство в Низовской земле на Москве» (орфография оригинала. — *Д. В.*)⁵⁹. А мы уже видели и еще увидим, что «государство в Низовской земле на Москве» было при Иване III и позже вполне европейским. Причем Иван шел на Нов-

⁵⁸ *Fennell J. L. I. Ivan the Great of Moscow. L., 1961. P. 36.*

⁵⁹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. XII. СПб, 1901. С. 170 и далее.

город, как и семью годами ранее, вооруженный солидными документальными уликами (связи Новгорода с Литвой. – Д. В.)». И «можно только удивляться тому терпению, с которым Иван проводил переговоры», резюмирует тот же Дж. Феннелл⁶⁰.

Опять-таки сравним это с тем, что сделал с Новгородом Иван Грозный 92 года спустя безо всяких на то оснований⁶¹. О разгроме Новгорода мы будем говорить много и подробно, пока же отметим: город снова обвинялся в попытке «предаться Литве», однако на сей раз никаких улик, кроме анонимной грамоты на имя польско-литовского короля (к тому времени Литва и Польша объединились в Речь Посполитую), которую как-то подозрительно быстро обнаружили опричники, не было. Н. И. Костомаров прямо предполагает, что эта грамота – подброшенная самими же опричниками фальшивка⁶², и он не одинок в своем мнении. Р. Г. Скрынников также указывает (со ссылкой на источник), что эту грамоту подделал (и передал Грозному) некто Петр Волынец⁶³.

Но мы забежали вперед... Пока отметим, что, конечно, Иван III не был «либеральным» правителем, что он был правителем весьма жестким и авторитарным, что он уморил в

⁶⁰ *Fennell J. L. I. Op. cit. P.151.*

⁶¹ *Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 127–131.*

⁶² *Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 338.*

⁶³ *Скрынников Р. Г. Иван Грозный. Борис Годунов. Василий Шуйский. М., 2005. С. 233.*

тюрьме родного брата и совершил еще много чего нехорошего. Но он был ничем не хуже своих западноевропейских «коронованных братьев»; во всяком случае, Иван III был не более жесток и авторитарен, чем его западные современники – например, Людовик XI во Франции, Фердинанд и Изабелла в Испании или Христиан II в Дании, который после завоевания Швеции истребил всю шведскую знать («Стокгольмская кровавая баня»).

Важный признак европейского государства – независимость Церкви. Мы говорили о Русской православной церкви в период до XV в. и нашли ее вполне европейской. А как обстояли дела в «Европейское столетие России»? Начнем с того, что церковные земли были совершенно независимы от правительственной власти с административно-судебной точки зрения, если не считать особо тяжких уголовных дел вроде убийства и разбоя. Земли монастырей были освобождены от налогов и повинностей. По крайней мере, до середины XVI в. Церковь, как отмечает К. Валишевский, «служила благодетельным (впрочем, как мы это далее увидим на примере России и как оно бывало и на Западе, не всегда «благодетельным». – Д. В.) противовесом всемогуществу государства»⁶⁴. И вообще, по словам того же автора, «самодержавие в своей первоначальной форме (в Московском государстве до Опричнины, – Д. В.) не было склонно к абсолютной власти. Если не народные, то по крайней мере права Церкви

⁶⁴ Валишевский К. Указ. соч. С. 39–41.

здесь оставались еще нетронутыми»⁶⁵.

Независимость экономическая и судебная порождала и независимость идеологическую. А.Л Янов упоминает про идеологический плюрализм, выразившийся в церковных и связанных с ними политических дискуссиях, при Иване III⁶⁶. Так, к 1490-м гг. Церковь стала крупным землевладельцем, ростовщиком и т. д., но перестала быть пастырем народным⁶⁷. Против этого протестовали русские «православные протестанты», сторонники «дешевой Церкви» – «нестяжатели»⁶⁸. Они (во главе с преподобным Нилом Сорским) требовали освободить Церковь от «любостяжания» для исполнения функции духовного водителя нации. Но ведь требования Церкви, свободной от мирских забот, – основные, которые выдвигали и западноевропейские сторонники Реформации. И именно секуляризация церковно-монастырских земель положила начало буржуазному развитию стран Северной Европы. А вот католическая Церковь капитализм долго не принимала – до XIX, отчасти и до XX в.⁶⁹ Но если подставить вместо «католичества» «официальное православие», а вместо «протестантизма» – «нестяжательство», то мы уви-

⁶⁵ Там же. С. 21.

⁶⁶ Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 180–187.

⁶⁷ Там же. С. 174.

⁶⁸ Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. С. 113.

⁶⁹ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 77.

дим очень похожую картину и в Московии периода 1462–1560 гг.

Официально-православных оппонентов «нестяжателей» называли «иосифлянами» (по имени их лидера преподобного Иосифа Волоцкого). Так вот, Церковь не останавливалась перед борьбой против государства, против великокняжеской власти⁷⁰. По некоторым данным, доходило до того, что митрополит в знак протеста против действий Ивана III покинул престол, оставил храмы без освящения и призвал государя «бить челом в покаянии» (скорее всего, фигурально, о буквальном аналоге «паломничества в Каноссу» сведений нет, а такое не могло остаться незамеченным. – Д. В.)⁷¹.

Так что церковный противовес государству действительно не всегда был «благодетельным», но как бы то ни было, о «византийской церкви, подчиненной самодержцу», в период «европейского столетия России» (равно как и когда-либо раньше) нет и речи. Здесь явно европейская борьба правителя и Церкви, как уже несколько веков было в Западной Европе между императором и папой (а в локальном масштабе – между практически всеми королями и Церковью), а поколением позже в несколько иной форме будет иметь место в странах, ставших на путь протестантизма. Р. Пайпс видит «неевропейскость» России, помимо всего прочего, еще и в том, что различные «группы интересов» боролись друг с

⁷⁰ Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 97.

⁷¹ Валишевский К. Указ. соч. С. 47.

другом, но не с государством (он доказывает это на примере России XVI–XIX вв. на нескольких десятках страниц)⁷². Но вот наглядный пример обратного – Церковь борется против государства.

Согласно представлениям поклонников теории «полезности для России деспотизма», при таком «либерализме» (здесь и далее это слово берется в кавычки, так как о настоящем либерализме в XV–XVI вв. и речи быть не может – ни в нашей стране, ни в какой-либо еще), как при Иване III, в России сразу должны начаться «релаксация» и отставание от остального мира – до очередного Ивана Грозного, когда деспотическими мерами будет вызван к жизни новый «рывок». О чем-то подобном писал еще в XIX в. К. Д. Кавелин: «вся русская история есть по преимуществу история государственная... государственный элемент представляет покуда единственную живую сторону нашей истории», а отнять у России Ивана Грозного и Петра – и она веками будет стоять на одной точке⁷³. В наше время в столь же «предельной», по сути дела откровенно русофобской, форме эту идею озвучили С. Валянский и Д. Калюжный⁷⁴. Посмотрим, что же характерно для России 1462–1560 гг. – «релаксация» или какие-то другие экономические тенденции?

⁷² Пайнс Р. Указ. соч. С. 235–307, 400.

⁷³ Кавелин К. Д. Сочинения. Ч. 2. М., 1859. С. 454–455.

⁷⁴ Валянский С., Калюжный Д. О Западе, который пыжился, пыжился, а Россия сама по себе. М., 2004. С. 42.

Так вот, буквально все авторы отмечают небывалое развитие экономики России в период от Ивана III до 1550-х гг. Например, Р. Ченслер сообщает, что «вся территория между Ярославлем и Москвой изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в громадном количестве»⁷⁵. В. Кирхнер добавляет, что «после завоевания Нарвы в 1558 г. (в начале Ливонской войны. – Д. В.) Россия стала практически главным центром балтийской торговли и одним из центров торговли мировой. Корабли из Любека, игнорируя Ригу и Ревель, направляются в Нарвский порт. Несколько сот судов грузятся там ежегодно – из Гамбурга, Антверпена, Лондона, Стокгольма, Копенгагена, даже из Франции». Отмечается и быстрый рост городов в России. Еще ранее, в 1520-х гг., жители Нарвы пишут в Ревель: «Вскоре в России никто больше не возьмется за соху: все бегут в город и делаются... пребогатыми купцами и ворочают тысячами»⁷⁶.

Смоленский купец А. Юдин кредитовал англичан на баснословную по тем временам сумму 6800 рублей. Дьяк Тютин и Анфим Сильвестров кредитовали литовских купцов на 1210 рублей. Член английской Московской компании А. Марш задолжал купцам Емельянову, Баженову и Шорину

⁷⁵ Английские путешественники о Московском государстве XVI века. Л., 1937. С. 56.

⁷⁶ Цит. по: Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 68–69.

2870 рублей. Что касается строительства, то Д. П. Маковский даже высказал предположение, что строительный бум первой половины XVI в. сыграл в развитии России примерно такую же роль, как железнодорожный бум в конце XIX в.⁷⁷ Р. Г. Скрынников, не называя цифр, также говорит об этом экономическом буме «доопричной» Московии⁷⁸. Даже горячий апологет Ивана Грозного Александр Тюрин вынужден признать, со ссылкой на С. М. Середонина, что население Московской Руси с 1480 г. до середины XVI в. выросло с 2,1 млн до 7–8 млн чел. Даже с учетом территориальных присоединений (Псковская и Рязанская земли, ряд территорий, отвоєванных у Литвы, включая Смоленск и Чернигов) это очень много⁷⁹.

Итак, мы видим, что ни о какой «релаксации» нет и речи – напротив, имеет место экономический бум. Можно привести еще немало цитат из посвященных России произведений западных авторов, подтверждающих это, но ограничимся письмом протестанта-француза Юбера Ланге к Ж. Кальвину от 1558 г. (обратим внимание, кстати, что его цитирует Р. Ю. Виппер в монографии 1942 года, откровенно апологетической по отношению к Ивану Грозному, – но, может

⁷⁷ *Маковский Д. П.* Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. Смоленск, 1960.

⁷⁸ *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 34.

⁷⁹ *Тюрин А.* Великий Иван Грозный. Первый царь Всея Руси. М., 2013. С. 56–57.

быть, тут расчет на то, что этот оптимистический прогноз, сделанный в начале царствования Грозного, читатель механически экстраполирует на *все* царствование. – Д. В.): «Если суждено какой-либо державе в Европе расти, то именно этой»⁸⁰.

А впереди – большой разговор о том «рывке», который, по Валянскому и Калюжному, должен был наступить при Опричнине. Но прежде надо дать хотя бы беглый обзор первого, «либерального» периода царствования Ивана Грозного.

⁸⁰ *Bunner P. Ю.* Иван Грозный. Ташкент, 1942. С. 60.

Адашев и Сильвестр: «дней Иоанновых прекрасное начало»

Начать представляется целесообразным с заголовка. Я выбрал его по аналогии с известными строками А. С. Пушкина («дней Александровых прекрасное начало»), однако уже в процессе работы над книгой обнаружил подобную фразу и у А. Тюрин⁸¹. Вообще, шаг для апологета Ивана Грозного достаточно неосторожный – употреблять характеристику начала царствования, которая сама собой подразумевает, что был и отнюдь не столь прекрасный «конец»; однако перейдем к фактам.

Общим местом у большинства историков стало то, что у Ивана Грозного, в три года лишившегося отца и в восемь – матери, было тяжелое детство (вообще, обо всех или почти обо всех тиранах так говорят). Вот, например, что пишет об этом Н. И. Костомаров: «В младенчестве с ним (Иваном. – *Д. В.*) как будто умышленно поступали так, чтобы образовать из него необузданного тирана. С молоком кормилицы всосал он мысль о том, что он рожден существом высшим, что со временем он будет самодержавным государем (как мы видели, не мог он «с молоком кормилицы всосать» эти идеи, так как их на Руси еще не было. – *Д. В.*), что могуществен-

⁸¹ Тюрин А. Указ. соч. С. 119.

нее его нет никого на свете (а вот это, учитывая растущую экономическую мощь Русского государства, вполне правдоподобно. — *Д. В.*); и в то же время его постоянно заставляли чувствовать настоящее свое бессилие и унижение. Его разлучили с мамкой, к которой он был очень привязан; убили Телепнева, к которому он привык; на его глазах, его именем, бояре свергали друг друга, а зазнавшиеся Шуйские обращались с ним высокомерно и нагло». Далее этот же автор дает слово самому царю: «Помню, как, бывало, мы с братом Юрием играем по-детски, а князь Иван Шуйский сидит на лавке, локтем опершись на постель отца нашего, да еще и ногу на нее положит, а с нами не по-родительски, а по-властелински обращается, как с рабами... Ни в одежде, ни в пище не было нам воли, а сколько казны отца нашего и деда они перебрали...» Далее царь приводит конкретные примеры того, кто и что «перебрал», после чего снова пишет сам Костомаров: послали (и лишь по «слезным прошениям» Ивана — по другой версии, по просьбе митрополита, а по Костомарову, имело место и то и другое — не казнили) боярина Семена Воронцова, к которому отрок-государь привязался... ну и т. д.⁸²

Однако Р. Г. Скрынников, анализируя фактический материал, отрицает факты непочтительного отношения бояр к малолетнему великому князю. Так, в письме А. М. Курбскому (Костомаров цитируемые выше сведения тоже почерпнул явно из переписки царя с беглым князем) монарх скажет о

⁸² Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 327–328.

том, что его на всю жизнь испугал арест на его глазах митрополита Иоасафа. Дело было так: в ночь на 3 января 1542 г. князья Шуйские свергли управлявших государством князей Бельских; престарелого митрополита, сторонника Бельских, арестовали в спальне на глазах Ивана, которому тогда шел двенадцатый год. Однако на самом деле Иван тогда даже не понял, что произошло, и не мог испугаться.

Что касается обвинений в том, что «не было нам воли ни в чем» – то тут на самом деле имеются в виду строгие правила того времени, в основе которых лежали те же нормы, что и в основе написанного немного спустя (в 1553 г.) Домостроя: несмотря на малолетство, законный великий князь должен был сидеть, напри мер, на троне, принимая иностранных послов. А слова «Сколько раз не давали нам поесть!» Р. Г. Скрынников интерпретирует как «не могли заставить непоседливого подростка поесть вовремя». Кого из нас в детстве родители не загоняли иной раз чуть не силой за стол в положенное время! А попробуй загони монарха, да еще с таким характером!⁸³ Доказательством того, что Ивана отнюдь не держали в черном теле, служит и то, что он был очень образованным по тем временам человеком; во всяком случае, римских и греческих авторов он читал в подлиннике, а по некоторым сведениям, неплохо говорил и по-немецки. И. де Мадариага предполагает, что он знал и татарский язык⁸⁴,

⁸³ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 22–25.

⁸⁴ Мадариага И. де. Иван Грозный. Первый русский царь. М., 2007. С. 78.

что в свете того, о чем мы будем говорить дальше, весьма правдоподобно. Впрочем, К. Валишевский говорит о «большой, но бессистемной эрудиции» будущего царя⁸⁵; французский историк А. Труайя также сообщает, что Иван Васильевич «учился на случайных встречах, не имея определенного направления и плана»⁸⁶. Может быть, заставить систематизировать свое образование царственного ученика – безусловно, умного и даровитого, но явно не очень усидчивого – тоже не смогли ввиду непростого характера?

А характер был тяжелый! Уже тогда Иван Васильевич «завлаживался» тем, что с 13 лет вместе со своими сверстниками скакал верхом по улицам, топча конями и избивая кнутом всех встречных и поперечных, насиловал попавшихся женщин⁸⁷, бросал с крыш высоких теремов животных, а с 14 лет – и людей. Впрочем, хороши были и опекуны (в тот момент это были уже его родственники по матери – Глинские и их люди), которые похваливали его за это, приговаривая, что, мол, «вот будет храбрый и мужественный царь!»⁸⁸ Уже тогда казнили и нескольких бояр. Например, Ф. Овчинина – его отец в свое время расправился с родственником будущего царя М. Л. Глинским; сын тут был ни при чем, но ответил за отца, сев на кол. Хотя, между прочим, по нормам то-

⁸⁵ Валишевский К. Указ. соч. С. 404–405.

⁸⁶ Труайя А. Иван Грозный. М., 2004. С. 24.

⁸⁷ Валишевский К. Указ. соч. С. 141.

⁸⁸ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 328.

го времени Государь не мог казнить бояр без тщательного «сыска» и приговора Боярской Думы⁸⁹. Как в Англии – лорда могла судить только палата лордов. Так что не прав Александр Бушков – еще один апологет Ивана Грозного, который утверждает, что не было такого закона, который малолетний великий князь мог нарушить, казнив Шуйского⁹⁰. Впрочем, этот автор вообще изрядно привирает, например, о том, что при Иване Грозном не было ни бегства подданных за границу, ни мятежей, – мы еще не раз увидим, насколько это утверждение не соответствует действительности.

Но до «бегства и мятежей» еще было очень далеко, а пока 16 января 1547 г. Иван IV венчался на царство, объявив себя при этом не великим князем, как все его предки, а царем. По понятиям православных людей того времени, титул царя соответствовал не королевскому, а императорскому⁹¹. В Древней Руси «царями» называли императоров Византии («царь» – сокращенное «цезарь»; одним из предков Ивана Грозного был византийский император Константин IX Мономах, дед по матери Владимира Мономаха), в период татаро-монгольского ига – ханов Золотой Орды. Впрочем, и в это время иногда (в XIV в.) московских князей именовали стольниками *византийского* «царя». Однако 1453 год закончил с Византией, а 1480-й – с татаро-монгольским игом;

⁸⁹ *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 29–30.

⁹⁰ *Бушков А.* Иван Грозный, кровавый поэт. М., 2012. С. 115.

⁹¹ *Валишевский К.* Указ. соч. С. 117, 142.

и уже Иван III стал неофициально называть себя «Царь всея Руси». Иван Грозный принял царский титул официально⁹².

И действительно, если, например, шведы не признали за Иваном Грозным (и за его преемниками, по крайней мере до Бориса Годунова включительно) титул императора, согласившись в конце концов именовать русских правителей «Царь и Великий Герцог Московии», то император Священной Римской империи, а также короли английские и датские, великий герцог Тосканский, шах иранский и некоторые другие государи именно так и обращались к московским царям. Не совсем понятно, какую позицию в этом вопросе занимали короли Франции, но автор цитируемого источника – француз – именно «Империей» и называет Московское государство⁹³. Более того, уже к отцу Ивана Грозного Василию III император Священной Римской Империи Максимилиан I (1493–1519) в 1514 г. обратился как к «кайзеру» (тот же «цезарь», только в германской переделке. —Д. В.)⁹⁴.

Однако кое-кому на Руси уже тогда всего этого было мало. Уже в период правления Василия III некто Спиридон Савва, признавая, что русский народ происходит от Ноева сына Иафета, произвел московских царей ни много ни мало от... четвертого (в Библии не упоминаемого) сына Ноя Арфаксада, от которого якобы произошли египетские фараоны (на

⁹² *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 31–32.

⁹³ *Маржерет Ж.* Состояние Российской Империи. М., 2007. С. 123.

⁹⁴ *Мадариага И. де.* Указ. соч. С. 86.

самом деле Египтом на протяжении трех с половиной тысячелетий фараонского периода правило около тридцати династий. – Д. В.).

Далее в «сплошной генеалогии от Ноя» у Спиридона Саввы следует перерыв, который, однако, успешно восполняет «Лицевой свод»: мать Александра Македонского Олимпиада родила его, оказывается, не от мужа, македонского царя Филиппа, а от... египетского фараона Нектанеба. А от Александра по прямой линии произошел брат Октавиана Августа Прус, предок Рюрика (Август якобы назначил брата наместником междуречья Вислы и Немана, хотя на самом деле римлян там и близко не было); у самого Спиридона Саввы прямой преемственности, правда, опять нет, он лишь говорит о «связи Александра Македонского через Клеопатру с римским цезарем», хотя, даже если бы Август и был, скажем, сыном Цезаря и Клеопатры, то ведь последняя происходила не от Александра Македонского, а от его военачальника Птолемея⁹⁵. Но такие несообразности не смущали творцов мифа, главное было – доказать, что царь Московский – первый государь Вселенной, имеющий права ни много ни мало на власть над нею. Мы еще увидим, кто, как и зачем внушал Ивану Грозному эти идеи.

Но пока до попыток реализации подобных амбиций было еще далеко. Начало самостоятельного правления Ивана Грозного (с 1547 г. до периода между 1560 и 1565 гг.) от-

⁹⁵ Там же. С. 506; *Филлюшкин А. И.* Василий III. М., 2010. С. 141–142.

нюдь не предвещало того, чем это царствование закончилось – «самодержавной революции» (по терминологии, которую применяет А. Л. Янов). В результате реформ, на которые подвигла молодого царя «Избранная Рада» (в состав этого органа входили представители всех знатных боярских родов, но душой ее были сравнительно «худородные» протопоп Сильвестр и окольничий Алексей Адашев, еще с 1543 г. занимавший должность постельничего)⁹⁶, Россия продолжала свое развитие вполне в европейском ключе.

Однако с учетом характера Ивана Грозного и, что еще важнее, конкретных исторических обстоятельств (о них чуть ниже) есть основания думать, что Адашев и Сильвестр всего лишь отсрочили начало Опричнины лет на 10–15. Но – по порядку.

В середине 1540-х гг. Иван, намереваясь жениться, сватался поочередно к нескольким европейским принцессам, но после неудачи сватовства (впрочем, по другим данным, от сватовства к иностранкам царь отказался сам) женился на Анастасии Романовне Захарьиной-Кошкиной⁹⁷.

21 июня 1547 г., через неполных полгода после того, как Иван IV венчался царским венцом, Москву охватил большой пожар. В пламени погибло, по разным данным, от 1700 до 3700 человек, а 80 тысяч москвичей (собственно, почти все

⁹⁶ *Валишевский К.* Указ. соч. С. 141.

⁹⁷ Там же. С. 142; *Мадариага И. де.* Указ. соч. С. 89; *Пейн Р., Романов Н.* Иван Грозный: тиран, безумец, святой. М., 2010. С. 80.

население города) лишилось крова.⁹⁸ Пострадала и «власть»: например, престарелый (ему было уже далеко за 60) митрополит Макарий едва не задохнулся от дыма, а потом зашибся, когда спускался на канате из горящей башни⁹⁹; буря понесла пламя на Кремль, сгорели Оружничая палата, Постельная палата с домашней казной, царская конюшня, Разрядные избы (учреждения, где велось делопроизводство о назначениях по службе, нечто вроде современного отдела кадров) и т. д. При этом царь, проживавший тогда в своем загородном имении в с. Воробьево (нынешние Воробьевы горы), мало заботился об оставшихся по большей части без хлеба и крова жителях столицы, а велел прежде всего поправлять церкви и палаты на своем царском дворе.

Воспользовавшись бедственным положением народа и слухами о том, что пожар вызвало «колдовство», некоторые представители знати, ненавидевшие Глинских (в том числе Федор Скопин-Шуйский – дед будущего героя Смутного времени, Федор Нагой и некоторые другие, включая брата молодой царицы Григория), сумели настроить народ против них, обвинив родственников царя по матери в поджоге Москвы. Народ разгромил дворы Глинских, перебил многих из их людей (тем более что последние, опираясь на покровительство своих хозяев, «дозволяли себе в Москве разные своеволия и бесчинства»; вместе с людьми Глинских пере-

⁹⁸ *Валишевский К.* Указ. соч. С. 147; Мадариага И. де. Указ. соч. С. 101.

⁹⁹ *Иловайский Д. И.* Царская Русь. М., 2008. С. 182.

били и многих других служилых людей из Северской земли (современная Черниговская область), в чьей речи слышался тот же акцент) и ринулся на Воробьевы горы, где, как уже сказано, находился царь: пронесся слух, что государь спрятал кое-кого из своей родни.

Иван не на шутку испугался. И тут появился протопоп Сильвестр, который успокоил толпу и усовестил царя, объявив, что несчастья Руси происходят от многочисленных пороков монарха. Царь поддался на увещевания, стал каяться, плакать и дал обещание во всем слушаться Сильвестра. После того, как почти всегда бывает в таких случаях, большинство восставших, успокоившись, разошлось, и тогда оставшихся наиболее упорных власть решила разогнать силой.

Впрочем, кроме Н. И. Костомарова, который пишет о Сильвестре, что «неизвестна прежняя жизнь этого человека»¹⁰⁰, большинство историков, в том числе и К. Валишевский, отрицает внезапность появления протопопа на российской политической арене и утверждает, что тот уже на протяжении нескольких лет до того был настоятелем церкви Благовещенья и духовником государя; зато последний автор много говорит о низком интеллектуальном и образовательном уровне Сильвестра, значительно уступавшего в этом плане, например, митрополиту Макарию, объясняя его возвышение именно тем, что царь любил таких «серых» людей

¹⁰⁰ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 330–332.

приближать к себе¹⁰¹.

Однако последнее утверждение, как мне представляется, есть экстраполяция кадровой политики царя времен Опричнины на все царствование Ивана Грозного (мы еще увидим такие экстраполяции у Валишевского и применительно к другим сторонам российской жизни при Грозном); о принципах назначения своих приближенных «борцами за несвободу» (определение Е. Евтушенко), которые три века спустя Николай I выразит вошедшими в историю словами «мне не нужны умные головы, мне нужны верноподданные», мы еще поговорим. Что же до Сильвестра, то, например, И. де Мадариага констатирует, что он был человеком довольно образованным, знавшим латынь и греческий, а также умелым иконописцем¹⁰².

Как бы то ни было, теперь реальная власть попала в руки протопопа Сильвестра и окольничего Алексея Адашева. Они выбрали себе и правительство из близких им по взглядам людей, причем как из высшей знати, так и из сравнительно «худородных»; к последним относился, как уже сказано, и сам Адашев. Окольничий происходил из зажиточной дворянской семьи из Костромы, пользовавшейся большим авторитетом¹⁰³. С. О. Шмидт также подчеркивает, что он происходил из «богатых землевладельцев, принадлежавших к

¹⁰¹ Валишевский К. Указ. соч. С. 148–149.

¹⁰² Мадариага И. де. Указ. соч. С. 110.

¹⁰³ Там же. С. 107.

среднему придворному кругу», так что слова Ивана Грозного о его низком происхождении («Я из батожников его поднял, от гноища учинил наравне с вельможами») нельзя понимать буквально¹⁰⁴. Но все же какая пропасть отделяла провинциального дворянина (пусть и сравнительно богатого) от столично-придворной аристократии!

Как бы то ни было, новым правительством была намечена большая программа преобразований. Сильвестра и Адашева, как и все их правительство (вошедшее в историю как «Избранная Рада») царь позднее тоже обвинял в том, что «нам от них не было ни в чем воли, вплоть до обуванья и спанья»; это уже явное преувеличение, которое позволяет не верить и цитированным выше обвинениям в адрес поведения бояр в юношеские годы царя. Тем более что опекуны Ивана старались по возможности вести дела так, чтобы он не чувствовал опеки и чтобы ему казалось, что он по-прежнему всевластен (у Костомарова – «самодержавен»). Так что с этой стороны ему пожаловаться было не на что.

Зато, однако, царь не мог простить своим приближенным того, что «они отняли у нас данную нам от прародителей власть возвышать всех бояр по нашему изволению... всякое устройство и утверждение совершалось по воле их и их советников. Мы, бывало, если что-нибудь и доброе посоветуем, то они считают это ни к чему не нужным, а сами хоть что-нибудь неудобное и развращенное выдумают, так ихнее все

¹⁰⁴ Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 63.

хорошо»¹⁰⁵. Примерами себя царь, однако, при выдвижении таких серьезных обвинений не утруждает! В действительности как есть серьезные основания думать: при проведении реформ подразумевалось ограничение власти царя не только боярами, но и народом. Об этом мы теперь и поговорим.

¹⁰⁵ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 330–333.

На историческом распутье

От феодальных порядков – к чему?

К моменту начала преобразований Адашева – Сильвестра на Руси царили феодальные порядки, достаточно типичные для позднесредневекового государства. Р. Г. Скрынников прямо указывает на то, что не стоит преувеличивать различия между русской и западной феодальной аристократией. Да, в силу специфики природных условий страны русские феодалы жили в деревянных усадьбах, а не в каменных замках, но точно так же имели свою вооруженную свиту, замки («острожки»), удельные князья в принадлежавших им городах держали гарнизоны, имевшие даже артиллерию, и, подобно тому как западные крупные феодалы считали короля лишь «первым среди равных», и русские удельные князья рассматривали членов великокняжеской семьи каковою «братию»¹⁰⁶

Именными бояр управляли они сами на основе иммунных грамот («тарханов»). На остальной территории всем управляли наместники и «волостели», которые жили за счет «кормления» (т. е. определяемого ими самими довольствия,

¹⁰⁶ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб, 1992. С. 75.

которое им должна была давать управляемая территория) и злоупотреблений. Документ того времени сообщает: «Многие грады волости пусты учиниша наместники и волостели... Не быша им (волостям. – Д. В.) пастыри и учителя, но сотвориша им гонители и разорители»¹⁰⁷.

Все это приводило к скудости казны, несмотря на упоминавшийся уже экономический подъем. Впрочем, сам по себе факт, что экономический подъем, начавшийся ранее, продолжился и в годы «боярского правления», сомнений не вызывает. Более того, не усилились в указанное время и сепаратистские тенденции. Напротив, именно в 1534–1537 гг. было ликвидировано два крупнейших удельных княжества – Дмитровское и Старицкое.

Итак, в годы малолетства Ивана Грозного не было феодальной анархии¹⁰⁸, но определенный узаконенный обычным феодальным правом беспорядок имел место быть. Альтернативы такому феодальному беспорядку было две.

Первая – строительство того, что сейчас назвали бы «вертикалью власти».

Вторая – преобразование существующего порядка вещей в европейском ключе, например, рост местного самоуправления, в частности, превращение выборных земских, судебных и т. д. чинов – «целовальников» (название происходило от того, что выборные при вступлении в должность да-

¹⁰⁷ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 435.

¹⁰⁸ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 89.

вали присягу исправно исполнять свои обязанности, сопровождавшуюся, по тогдашним нормам, целованием креста) в полноправных судей, в земские правительства, т. е. в полноправных носителей выборного властного начала.

Б. Н. Флоря спрашивает: могло ли, мол, сословное общество западного типа с автономными от государственной власти сословными структурами, возникновению которого-де помешал Иван Грозный, сложиться в отсталой аграрной стране?¹⁰⁹ Однако мы уже видели: предопричная Россия отнюдь не была «отсталой» и стремительно переставала быть «аграрной».

Как бы то ни было, правительство Адашева – Сильвестра пошло по второму пути. Князь А. М. Курбский, один из самых активных членов «Избранной Рады», писал по поводу этих реформ, что «царь должен искать совета не только у своих советников, но у всенародных человеков»¹¹⁰.

Все сказанное подтверждает правоту советского историка А. А. Зимина (которую, несмотря на приводимые им самим факты, оспаривает Р. Г. Скрынников), еще полвека назад писавшего, что «нельзя усмотреть... стремление воскресить феодальную раздробленность ни у одной из групп княжеско-боярской знати. Речь может идти лишь о борьбе за различные пути централизации государства»¹¹¹.

¹⁰⁹ Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2009. С. 433–434.

¹¹⁰ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 333.

¹¹¹ Зимин А. А. О политических предпосылках русского абсолютизма // Абсо-

С 1549 г. вместо веча (исторический опыт показывает: прямая демократия хороша только в условиях маленьких государств на манер Древней Греции) начали созываться все-сословные выборные представительные органы – Земские соборы. На местах создавались выборные сословные местные самоуправления – «сходбища уездные».

Все проблемы центральной власти были разделены на «государевы» (личная жизнь монарха, например, его вступление в брак) и «земские» (общегосударственное дело, например, поход на Казань); это подготавливало почву для четкого разделения и в остальных сферах, в том числе и в имущественной, тогда как после свертывания реформ Адашева и Сильвестра имущественное разделение (на государственное имущество и частную собственность царской фамилии) удалось осуществить только в 1837 г. Даже либеральная Екатерина II раздавала государственных крестьян в частные руки как своих собственных.

Вообще, по Судебнику 1550 г. была создана параллельная система управления. В столице, например, существовали приказы, к которым были приписаны русские земли, осуществлялось государственное правосудие, где судили бояре или окольничьи. В уездах, кроме наместников и «волостелей», существовали и выборные, народные органы власти. В городах это был и городовой приказчики и дворские, в волостях – старосты и целовальники. Старосты осуществляли

полицейские и судебные функции. Выборными были также должности блюстителей порядка – сотских и десятских. Выборные лица ведали раскладкой денежных и натуральных налогов и повинностей, вели разметные книги (записи всех жителей с дворами и имуществом). При этом у наместников были свои дьяки и подьячие, а у старост – свои, и все судебные дела записывались в двух экземплярах. По Судебнику 1550 г. наместникам вообще запрещалось творить суд без участия старост и целовальников. Грамота 25 февраля 1552 г. («Пинежская грамота») предполагает полное устранение наместника от суда, его должны чинить «из волостных крестьян выборные лутчие люди, по нашему Судебнику»¹¹². Важные уголовные дела («разбои») вели губные старосты, выбиравшиеся всем уездом из числа детей боярских. Судебник 1550 г. заботился об ограждении народа от тягостей государственного суда и от произвола наместников; последние в случае жалоб на них подлежали строгому суду. Выборные судьи имели право даже на освобождение с применением силы людей, арестованных наместником без их санкции. Лишь служилые государевы люди подлежали суду только со стороны наместников.

В 1552 г. жители Важской земли (одно из бывших новгородских владений) подали жалобу на произвол наместников, после чего просили права избрать 10 «излюбленных»

¹¹² *Копанев А. И.* Уставная земская грамота трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 года // Исторический архив. 1952. Т. VIII.

судей, которые должны были вершить как уголовные, так и земские дела, за что жители земли обязались вносить в казну 1500 рублей оброка ежегодно. Таким образом, правительство продавало им самоуправление по цене, в десять раз превышавшей дореформенные судебные издержки, и жители Важской земли соглашались на такую сделку¹¹³. Фактически третье сословие откупалось от феодального государства, получая за это широкую судебно-административную автономию, поскольку такой вариант сулил большие выгоды в развитии торговой и промышленной деятельности¹¹⁴.

26 декабря 1553 г. Адашев велел «царевым словом» дать Уставную грамоту жителям Перми, что означало ущемление дворянских привилегий в пользу третьего сословия, по крайней мере зажиточной его части¹¹⁵.

Развивалось местное самоуправление и помимо судебного. Правительство было готово совсем заменить наместников «излюбленными (т. е. выборными) головами». Это начинание не было доведено до конца, и многие служилые люди по-прежнему подлежали суду наместников и волостелей. Однако в 1555 г. судебное устройство, аналогичное важскому, получила вся страна. Кроме того, создавались выборные (от всех сословий) «общественные сходбища» с целью при-

¹¹³ Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 224.

¹¹⁴ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 344.

¹¹⁵ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 71–72.

нятия мер общественной безопасности, и каждый выборный мог говорить на таких «сходбищах» против злоупотреблений чиновников¹¹⁶.

При этом тенденция была к тому, чтобы наместников и волостелей вообще отстранить от суда, а разорявшие третье сословие «кормления» заменить раздачей земли (в качестве поместий)¹¹⁷. Собственно, тенденция к ограничению волостелей и наместников была еще при Василии III, когда Уставная грамота точно определила их обязанности; новая грамота 1539 г. более точно определила их доходы. Но тут возникал вопрос: где взять земли для поместий?

А поместья были необходимы! Некто Иван Пересветов, которого считают апологетом самодержавия Ивана Грозного, призывал окоротить вельмож, «ленивых богатинов», которые «не думают о войске»¹¹⁸, из-за которых погибла Византия, зато царство «Магомет-Салтана» (завоевателя Византии Мехмеда II, годы правления 1451–1481) процветает благодаря «воинникам». Пересветова принято считать одним из идеологов «самодержавной революции», одним из главных «борцов за несвободу»; и в самом деле, его знаменитая фраза «Как конь под царем без узды, так и царство без грозы» и особенно его пассаж про турецкого султана, который приказал содрать заживо кожу с не угодивших ему советников,

¹¹⁶ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 336–340.

¹¹⁷ Там же. С. 334–336.

¹¹⁸ Сочинения И. Пересветова. М.-Л., 1956. С. 178–179.

сказав при этом, что, мол, если они невиновны, то кожа вновь отрастет, – так вот этот пассаж вроде бы говорит сам за себя. Тем более Мехмед II и в самом деле отличался феноменальной жестокостью. Однажды, например, обнаружив, что пропал один из присланных ему в подарок огурцов (большая гастрономическая редкость в то время), он, заподозрив в этом «преступлении» семерых своих придворных, приказал вспороть животы всем семи, чтобы найти виновного.

Однако не все так просто: более внимательный анализ творчества Пересветова говорит о том, что он отнюдь не был сторонником «государева всеобщего холопства», его «воинник» – это не обязанный принудительной службой вассал, а свободный человек, который добровольно избрал «такую профессию – Родину защищать», нечто вроде современного офицера или солдата-контрактника¹¹⁹.

Как совместить это положение с хвалебным пассажем про турецкого султана-шкуродера (и вспарывателя животов)? А никак не совместить! Кривая логика, которой полтора века спустя последует и Петр Великий. Пребывая в составе Великого посольства в Англии в 1698 г., Петр восхищался английским парламентом, на заседании которого присутствовал инкогнито. «Весело слышать, – сказал, по свидетельству А. К. Нартова, царь, – когда сыны отечества королю говорят явно правду, сему-то у англичан учиться должно»¹²⁰ (и дей-

¹¹⁹ *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 50–51.

¹²⁰ *Нартов А. К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого//Петр

ствительно, Петр не гнушался и сам выслушивать правду от подданных), но он таки не понял, что для того, чтобы стремление говорить правду стало второй натурой человека, нужна свобода.

Вновь и вновь идеологи петровских реформ (например, Федор Салтыков) повторяют, что из английского опыта надо взять только то, что приличествует самодержавию, а И. Т. Посошков прямо осуждает порядки в других государствах, когда короли «не могут по своей воле что сотворить, но самовластны у них подданные, а паче купецкие люди», тогда как вообще-то, по мнению Посошкова, «царь как чему повелит быть, так и подобает тому быть неизменно»¹²¹. Но о петровских временах – в конце книги, а пока отметим: Пересветов в этом смысле (совмещение несовместимого) предвосхитил Петра.

Впрочем, возможно, что сам Пересветов, лишившийся поместья из-за тяжбы с кем-то из «сильных людей»¹²², имел в виду то, что «воинников» не должны порабощать именно «сильные люди»; он идеализировал «Махмет-салтана», который запретил вельможам слуг своих «прикабаливати, ни прихолопити, а служити им добровольно»¹²³. Однако, как мы далее увидим, этот вопрос можно было решить и в рамках

Великий. Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. СПб, 1993. С. 255.

¹²¹ История СССР под ред. В. В. Мавродина... С. 366–368.

¹²² Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 331.

¹²³ Там же. С. 386.

«либеральных» преобразований, не устанавливая самодержавия и не «сдирая шкуры с советников». Кроме того, тут налицо еще одно логическое противоречие. Пересветов не задал известный «римский» вопрос: а кто будет сторожить самих сторожей? Иначе говоря, а если само государство начнет «прикабаливати» и «холопити» своих «воинников» (что Иван Грозный вскоре и станет делать), то где на него найти управу, если самодержец не подотчетен никому, кроме Бога?

Но к этому аспекту творчества Пересветова, к его влиянию на историю послеопричной России мы еще вернемся, а пока отметим, что и пересветовский взгляд хотя бы на статус тех же «воинников» после поворота к самодержавию мог показаться Ивану Грозному чересчур «либеральным».

Но, помимо всего прочего, помимо личной свободы воинов, европейская военная система требовала и нового военного строя: как в Западной Европе наемная пехота вытеснила рыцарскую конницу с полей сражений, так и на Руси уже при взятии в 1552 г. Казани стрелецкие войска (только что, в начале 1550-х гг., созданные в порядке военной реформы из числа бывших пищальников) и пушкарки оказались куда эффективнее дворянской конницы. Это подтверждает и А. Тюрин. И действительно, для современной (по тем временам) войны требовались действия отдельными отрядами, а не сплошной массой, каковы были действия дворянского ополчения. Короче говоря, «воинник» должен был быть не

только храбрым, но и хорошо обученным солдатом¹²⁴.

Но в любом случае такого «воинника» требовалось хорошо обеспечить. Итак, вопрос: где деньги взять? А взять надо было: так, уже после взятия Казани общественное мнение упрекало царя (устаами Максима Грека) в том, что он ничего не сделал для помощи семьям воинов, погибших при покорении Казанского ханства.¹²⁵

Ответ на вопрос, где взять, подразумевался тот же, что и полувеком ранее, при Иване III – у Церкви! Более «ленивых богатинов», чем иосифляне, найти было трудно! «Монастыри с существовавшими в них злоупотреблениями составили одну из главных задач Стоглавого собора (церковный собор 1551 г., занимавшийся проблемами реформы Церкви. – Д. В.), – пишет Н. И. Костомаров. – Наделяемые селами и пользуясь большими доходами, монастыри были раем для своих начальствующих лиц, которые всегда могли принудить к молчанию своих подчиненных лиц, если бы со стороны последних раздались обличения. Архимандриты и игумены окружали себя своими клевретами и превращали монастырское достояние в выгодные для себя аренды. Их родня под видом племянников поселялась в монастырях, настоятель раздавал им монастырские села, посылая их туда в качестве приказчиков. Управление монастырскими име-

¹²⁴ Тюрин А. Указ. соч. С. 197; Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 238–239.

¹²⁵ Пейн Р., Романов Н. Указ. соч. С. 164.

ниями, вместо того чтобы производиться советом старцев, зависело от произвола одного настоятеля. В его безусловной власти находились и братия, и священнослужители монастырских сел, и часто терпели нужду, хотя находились в ведомстве очень богатого монастыря. Зато настоятели жили в полном удовольствии». Нуждались и те, кто добровольно отдавал монастырю все свое имущество «в порыве благочестия... с тем, чтобы там доживать свою старость; лишившись добровольно имущества, они терпели и голод, и холод, и всяческие оскорбления от властвующих, которые не дорожили ими, зная, что с них... уже более нечего взять. Зато те, кто хотя и отдали в монастырь часть своего достояния, но оставили значительный запас у себя, пользовались вниманием и услужливостью», чтобы, не дай бог, не изменили завещание¹²⁶. Не стану продолжать цитирование Костомарова, у которого еще много чего написано в этом ключе, отмечу только, что Р. Г. Скрынников отмечает бескорыстие Сильвестра, чем он «выделяется в толпе сребролюбивых князей Церкви»¹²⁷.

Архиепископ Новгородский Геннадий чуть ранее говорил о массе безграмотных священников, о том, что едва один из десяти прихожан знает наизусть хотя бы Отче наш, признавая одновременно, что осуждаемые им «секты» вроде «жидовствующих» заставляют Церковь проделывать некоторую

¹²⁶ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 342–343.

¹²⁷ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 44.

работу над собой и прибегать к внутренним реформам¹²⁸. Сам Иван Грозный на Стоглавом соборе обвинял (с явной подачи нестяжателей) церковных иерархов в том, что они «в монастыри поступают не ради спасения души, а чтобы всегда бражничать» и что «архимандриты и игумены докупаются своих мест, не знают ни службы Божией, ни братства» и «прикупают себе селения», добавляя, что монахи часто «не стесняются иметь при себе мальчиков (понятно, для чего...

Костомаров, также сообщив о «мальчиках», добавляет, что были монастыри, где чернецы и черницы жили вместе). Все это напоминает состояние католической церкви накануне Реформации, высмеянное Ф. Рабле, Эразмом Роттердамским и другими гуманистами, а также протестантскими проповедниками. Неудивительно, что на Стоглавом соборе царь гневно вопрошал: «Если в монастырях все делается не по Богу, то какого добра ждать от нас, мирской чади?»¹²⁹

Однако первый русский царь, в отличие от деда, не решился на полную секуляризацию церковно-монастырских земель, поэтому Стоглавый собор 1551 г., занимавшийся, помимо элементарного наведения порядка вроде запрета чернецам и черницам жить вместе, в том числе и имущественным вопросом, принял компромиссные решения. Так, он постановил положить предел росту церковных земель, причем впредь монастырям без особого разрешения царя запреща-

¹²⁸ *Валишевский К.* Указ. соч. С. 80, 103.

¹²⁹ Там же. С. 104; *Павлов А. С.* Указ. соч. С. 113.

лось приобретать (путем ли покупки или получения в дар), а землевладельцам – опять же «без воли Государя» жертвовать Церкви земли. Кроме того, постановлено было отобрать у монастырей все земли, приобретенные ими в малолетство Ивана IV, а также незаконно отобранные у детей боярских под предлогом погашения долгов; эти земли вернули прежним владельцам¹³⁰. Но и такой паллиативный вариант решения проблемы изрядно напугал церковников¹³¹.

Далее, Судебник 1550 г. кардинально пересмотрел принцип взимания платы «за бесчестье», действовавший со времен «Русской Правды». До сих пор княжескому дружиннику полагалась вдвое большая плата за «бесчестье», чем любому другому свободному человеку. Теперь размер платы определялся «доходом», за бесчестье «торговых и посадских середних» полагалась такая же плата, как и «боярскому человеку доброму», а за богатого купца («гость больший») – 50 рублей¹³². На первый взгляд тут противоречие с тем, что предлагал Пересветов: купец ценился в 10 раз дороже воина¹³³. Но, во-первых, это было не совсем так: служилые за бесчестье получали не 5 рублей (столько полагалось посадским), а «согласно получаемому на службе доходу»; по крайней ме-

¹³⁰ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 344.

¹³¹ Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 227.

¹³² Памятники русского права. М., 1956. Вып. IV. С. 238.

¹³³ Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 144–145.

ре, так было в отношении детей боярских¹³⁴.

А во-вторых, это – противоречие европейское, а главное – оно не было непримиримым: за счет «ленивых богатинов» хватило бы средств на все! На примере протестантских стран видим мы, пишет А. Л. Янов, что именно благодаря секуляризации церковных земель найден был в них компромисс между разными элитами и институтами общества (между «воинниками» и «предбуржуазией». – Д. В.), позволивший им предотвратить воцарение самодержавного произвола. Но именно этого решающего компромисса между элитами как раз и старались не допустить в России иосифляне¹³⁵. Но об этом – дальше, а пока вкратце проанализируем остальные реформы 1550-х гг.

Правительство Адашева – Сильвестра стремилось уменьшить число холопов, оно, например, запретило отдаваться в холопы «за рост» (т. е. за долги с процентами), отменило древнее правило о том, что поступавший в услужение к хозяину без «ряда» (договора) делался его холопом. Неоплатный должник после правежа отдавался кредитору «головою», но чтобы меньше было таких случаев, постановлено было давать на себя кабалу не более чем на 15 рублей. Кроме того, обо всякой «отдаче головой» «излюбленные» (выборные) судьи должны были делать особый доклад Государю.

Правительство стремилось уничтожить местничество,

¹³⁴ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 339.

¹³⁵ Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 165–166.

Оно постановило, что «в полках князьям, воеводам и детям боярским ходити без мест, и в том отечеству их унижения нет». Только первый воевода Большого полка считался выше прочих. Впрочем, до конца эта реформа доведена не была: на следующий год правительство постановило, что устанавливается разница воевод между собою, «воевод государь прибирает, рассуждая отечество», то есть принимая во внимание службу их отцов. Видно, что люди с более широкими взглядами не могли сразу сладить с предрассудками, и после неудачи реформ 1550-х гг. местничество воцарилось опять во всей силе¹³⁶.

Но, возможно, самая важная реформа этого времени – это принятие статьи 98 Судебника 1550 г., которая прямо *запрещала* царю менять действующие законы и принимать новые без согласия «Всей земли», то есть Земского собора. А. Л. Янов сравнивает эту статью с Великой хартией вольностей в Англии (1215 г.)¹³⁷, однако здесь речь идет о большем: об ограничении монаршей власти не кучкой представителей высшей знати, но «всенародным множеством».

¹³⁶ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 340.

¹³⁷ Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 53, 158, 226.

Внешнеполитический выбор: не «Ливония или Крым», а «национальная идея или химера»

В целом, как мы видим, в «либеральный» период правления Ивана Грозного была проделана большая работа по созданию предпосылок для перехода к современному европейскому государству. Как раз в это время, в XVI в., в ряде передовых стран Северной Европы начал формироваться такой же тип государственного устройства; в России, которая экономически относилась тогда, как мы видели, к передовым странам Европы, была несамодержавная монархия с Боярской думой и сословно-представительными учреждениями¹³⁸.

Так вот, все внешнеполитические достижения Ивана Грозного, которые у его поклонников принято записывать ему в актив, пришлось тоже на эти годы. В 1552 г. была завоевана Казань, в 1553–1557 гг. добровольно присоединились башкиры, в 1555 г. зависимость от Москвы тоже добровольно признало Сибирское ханство, в 1556 г. была взята Астрахань. Но всего этого было еще недостаточно.

А. Тюрин хвалит Ивана Грозного за то, что он «разрушил хищные рабовладельческие государства, мешавшие

¹³⁸ Шапиро А. Л. Об абсолютизме в России//История СССР. 1968. № 5. С. 71.

крестьянскому освоению огромных пространств. Он основал глубоко эшелонированную оборону южного пограничья, что позволило отнять у Дикого поля тысячи квадратных километров плодородной земли»¹³⁹. Однако в том-то и дело, что до конца это благое начинание не было доведено, не была проведена ликвидация самого опасного из «хищных рабовладельческих государств, мешавших крестьянскому освоению» огромных пространств – Крымского ханства, и даже глубоко эшелонированную оборону против него первый царь создать не сумел...

А ведь перспектива в этом плане в середине 1550-х гг. была неплохая. Крымское ханство как раз в тот момент переживало тяжелый кризис: эпидемии, засухи, падеж скота следовали друг за другом несколько лет подряд; достаточно сказать, что на все ханство оставалось не более 10 000 лошадей (притом что крымское войско было почти полностью конным, а конному воину нужен как минимум один запасной конь). Так что совершенно не прав А. Бушков, когда обвиняет А. Адашева в измене на том основании, что тот «втрапил царя в заведомо проигрышную войну с Крымом»¹⁴⁰.

То есть на первый взгляд с этим автором можно согласиться: за Крымом стояла могущественная Османская Империя, воевать с которой тогда было очень трудно. Однако отношения между турками и крымскими татарами, несмотря

¹³⁹ *Тюрин А.* Указ. соч. С. 5.

¹⁴⁰ *Бушков А.* Указ. соч. С. 158.

на вассалитет вторых по отношению к первым, были не такими уж дружественными. Мы в этом не раз еще убедимся, а пока вот пример из крымских походов Адашева: турки пропустили шедшее на Крым русское войско мимо Очакова¹⁴¹.

Тем более что война с Крымом и после смещения и ликвидации Адашева никуда не делась: В. В. Пенской доказывает, что Ливонскую войну, в которой перевес долго был на стороне России, наша страна проиграла именно из-за того, что главной и после 1558 г. оставалась война с Крымом¹⁴², если он преувеличивает, то в свете дальнейших событий очевидно: от крымской проблемы уходить было нельзя.

Что касается «виновника войны», то «вотравил» нашу страну в нее не Адашев, а сам крымский хан: как раз накануне постигшей его владения череды стихийных бедствий, 3–4 июля 1555 г., крымчаки нанесли под г. Мценском, у Судьбищ, поражение русскому войску Ивана Большого Шереметева; этот последний, занимавший должность главного воеводы, был тяжело ранен, и от полного разгрома русских спас воевода Алексей Басманов, будущий видный опричник: по сигналу его труб 5–6 тысяч рассеявшихся было детей боярских, стрельцов и боевых холопов собрались и отразили хана, тот отступил¹⁴³. Это означало войну между Россией и

¹⁴¹ Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей: из истории русско-крымского противостояния в XVI в. Белгород, 2012. С. 71.

¹⁴² Там же. С. 5–6 и далее.

¹⁴³ ПСРЛ. т. XIII. М., 1965. С. 257.

Крымским ханством. Впрочем, еще в 1552 г. крымский хан Девлет-Гирей пытался помочь Казани и напасть на Москву с юга, однако был отбит от Тулы¹⁴⁴.

Лето 1556 г. хан просидел в своем улусе, ожидая русского нападения и прося помощи у турок, но не получая ее. В итоге примерно в январе 1557 г. царь решил, что настало время поступить с Крымом так же, как с Казанью. На р. Псел (нынешняя Полтавская область Украины) был построен Псельский городок¹⁴⁵, который вполне можно сравнить с построенным в свое время напротив Казани Свияжском.

Нои это не все. Появилась возможность убить одним выстрелом двух зайцев: присоединить Крым и воссоединиться с западнорусскими землями в Литовском княжестве. Дело в том, что ко двору Ивана Грозного явился богатейший литовский православный пан, рассорившийся со своим государем, – Дмитрий Вишневецкий, представитель рода Гедиминовичей, – и предложил совместный поход на Крым; с учетом того, что в прямом и косвенном подчинении Вишневецкого находились большие силы украинских казаков¹⁴⁶, помощь его имела огромное значение.

Началась, как пишет А. Л. Янов, настоящая национальная война, подлинная Реконкиста¹⁴⁷. Вишневецкий занял остров

¹⁴⁴ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 347.

¹⁴⁵ Пенской В. В. Указ. соч. С. 57.

¹⁴⁶ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 353–354.

¹⁴⁷ Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 259.

Хортицу, где позднее располагалась Запорожская Сечь, а потом он и присланный к нему на помощь дьяк Ржевский с отрядом взяли Ислам-Кермень, затем – Очаков, разбив при этом не только татар, но и помогавших им турок, союзные России черкесские князья заняли еще два крымских города, а попытка контрудара крымчаков на остров Хортицу была отбита с большим уроном¹⁴⁸.

Правда, поход 1558 г. был не очень удачен, так как союзники – ногаи и кабардинцы – не дали легкой конницы, а сам Иван Грозный, понадеявшись на последнюю, не отправил своей (она была задействована в Прибалтике, где как раз с 1558 г. началась Ливонская война), ограничившись стрельцами и казаками-пищальниками. Однако и при этих обстоятельствах крымское войско загнали за Перекоп¹⁴⁹. А в 1559 г. наступил «звездный час» крымской кампании.

Весной 1559 г. брат А. Адашева Данила Адашев захватил в устье Днепра два турецких корабля и высадил десант в Крыму, опустошил западное побережье полуострова, освободил русских пленных. Н. М. Карамзин считал, что только поддержка Турции могла тогда спасти Крымское ханство, и хан в отчаянии писал султану, что «все погибло»¹⁵⁰. Однако Турция с помощью явно не спешила...

Если бы это предприятие – уничтожить Крымское ханство

¹⁴⁸ *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 493.

¹⁴⁹ *Пенской В. В.* Указ. соч. С. 64–68.

¹⁵⁰ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб, 1819. Т. 8. С. 253.

– полностью удалось, как поднялся бы авторитет Москвы! Было бы реально избрание Ивана IV на литовский престол, с учетом хотя бы того, что 90% населения Великого княжества Литовского составляли западные русские – предки украинцев и белорусов, русский язык был государственным, многие члены княжеского дома были крещены в православие, а династические браки литовских и русских князей вообще были обычным делом. Вспомним, что ведь и мать Ивана Грозного была из Литвы! Соединив влияние Вишневецких и Глинских, добиться великокняжеского литовского трона для Ивана IV было вполне реально. «Либеральные» преобразования 1547–1560 гг. также не могли не способствовать росту авторитета молодого Московского государства у православных подданных Литвы, тем более что и на внешнеполитическом поприще Иван Грозный, как мы видели, в эти годы действовал успешно.

Помимо всего прочего, в 1558 г. началась Ливонская война в Прибалтике – за присоединение ее земель и выход к Балтийскому морю. Поводом к войне послужил отказ Ливонского ордена платить дань за Дерпт (древнерусский Юрьев, ныне Тарту в Эстонии). А каковы были реальные причины (помимо выхода на Балтику)?

Некая Наталья Пронина выпустила апологетическое по отношению к Ивану Грозному сочинение прямо-таки в сталинском духе. Так вот, по ее мнению, разгром Ливонии был прямо-таки необходим, чтобы остановить католический на-

тиск на Восток, «лишив Запад польско-литовского форпоста»¹⁵¹. Хотя, если уж на то пошло, для последней цели гораздо важнее было соединение России с Литвой. Но с логикой г-жа Пронина, как и многие ее единомышленники, явно не в ладах. Да и главным объектом критики она избрала не А. Л. Янова или Р. Г. Скрынникова, а такого «серьезного» историка, как Э. Радзинский, явные ляпы которого критиковать куда легче!

Но посмотрим, исходила ли какая-либо опасность от самой Ливонии? После серии войн с Польшей и Литвой с 1409 по 1466 г., когда некогда грозный Ливонский орден был наголову разбит, он вынужден был согласиться на уплату дани за Юрьев Псковской торговой республике, каковую и платил до присоединения последней к Московскому государству в 1510 г. Сама же Н. Пронина упоминает (со ссылкой на В. Похпобкина), что ливонцы, кроме малочисленных орденских войск, не могли оказывать сопротивления¹⁵². Признает она и то, что Ливонию разделяла борьба католиков с лютеранами (об этом речь впереди)¹⁵³, так что ни о каком «католическом форпосте» речи быть не может.

Но продолжим о дани за Юрьев. Теперь, в 1554 г., Ливония обязалась платить такую же дань Московии, однако не платила. Это – вкпе с заключенным в сентябре 1557 г. со-

¹⁵¹ Пронина Н. Иван Грозный – «мучитель» или мученик? М., 2005. С. 162.

¹⁵² Там же. С. 171.

¹⁵³ Там же. С. 196–197.

юзом Ливонии с Литвой – и вызвало войну¹⁵⁴. Интересно, что при последнем приезде ливонских послов в Москву русские купцы хотели ссудить их деньгами для уплаты первого взноса дани, поскольку не хотели войны, которая подорвала бы балтийскую торговлю; однако царь запретил давать ссуду ливонцам под страхом смертной казни¹⁵⁵.

И вот тут необходимо сделать большое отступление. Еще не скоро, только в 1570 г., попрекнет Иван Грозный Елизавету Английскую тем, что у нее «не токмо люди, но даже торговые мужики» помимо «государевых прибытков, и своих прибытков смотрят». Но уже тогда мысль его начинала работать принципиально иначе, чем того требовали практические национальные интересы России. Как же она работала?

А. Л. Янов считает само начало Ливонской войны (вместо доведения до конца уничтожения Крымского ханства) ошибкой¹⁵⁶; Д. И. Иловайский полагает, что стоило ограничиться только Дерптом и Нарвой (взятыми русскими в первые же полгода войны), а не стремиться к завоеванию всей Ливонии¹⁵⁷. Однако я считаю, что, доведи Россия до конца военную реформу, сил хватило бы и на то и на другое. Вспомним, что в 1556–1557 гг., например, Россия воевала

¹⁵⁴ Мадариага И. де. Указ. соч. С. 188.

¹⁵⁵ Иловайский Д. И. Указ. соч. С. 242.

¹⁵⁶ Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 250–251.

¹⁵⁷ Иловайский Д. И. Указ. соч. С. 335.

с Астраханью, Крымом и Швецией (русско-шведская война 1554–1557 гг.) одновременно, что не помешало выйти из всех трех войн победительницей, в том числе и со Швецией, несмотря на отсутствие территориальных приобретений: по мирному договору 1557 г. все русские пленные возвращались шведами безвозмездно, а все шведские пленники русскими – за выкуп¹⁵⁸. А ведь Швеция-то посильнее Ливонии была! Кстати, инициатор походов на Крым А. Адашев, например, не был противником войны в Ливонии¹⁵⁹.

Но о военной реформе и причинах ее провала мы еще поговорим, а пока отметим, что в планах Ивана Грозного, по некоторым сведениям, было подчинение не только Прибалтики, но и всей Германии¹⁶⁰. И вот это уже выглядит, мягко говоря, странным с точки зрения собственно российских интересов.

В чем же причина таких амбиций – «вся Германия»? А. Л. Янов видит в этом результат иосифлянской агитации. Иосифляне убедили Ивана в том, что он – потомок Августа Кесаря по прямой линии и соответственно «перший государь». Может быть, поэтому при венчании Ивана IV на царство была выдумана легенда о присылке царского венца Константином IX Мономахом внуку своему Владимиру Мономаху, на которого этот венец будто бы возложил эфесский митропо-

¹⁵⁸ *Тюрин А.* Указ. соч. С. 221–222.

¹⁵⁹ *Шмидт С. О.* Указ. соч. С. 247.

¹⁶⁰ *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 94 и многие другие.

лит и который, в свою очередь, завещал венец своему сыну Юрию Долгорукому и его наследникам. Теперь царя венчали на царство «шапкой Мономаха», а что касается происхождения, то Рюрика объявили потомком Пруса, не существовавшего на самом деле брата Октавиана Августа, переселившегося будто бы из Рима в Пруссию (об этом, как и о родословной «от сына Ноева Арфаксада», уже говорилось)¹⁶¹.

Соответственно, Москва была объявлена «Третьим Римом». Стоит ли удивляться, что после такой идеологической обработки царь стал думать и говорить, что «нам государства равные никоторые нету»? Об этом тоже более подробная речь впереди. А раз так, то не обязан ли царь России возродить Римскую империю, принести истинно православную веру на все «еретическое» пространство Европы и спасти от вечных мук «заблудшие души европейских варваров»? А начать предстоит с покорения Германии. «Поворот на Германы» представлялся Ивану Грозному ключом к «Третьему Риму – Московскому»¹⁶².

Интересно, что несколько позже, в 1570 г., царь сделает немца-опричника Генриха Штадена «фон Штаденом»¹⁶³, дав ему таким образом не русское боярство, но немецкий баронский титул. А это уже явно говорит о претензиях на власть над Германией.

¹⁶¹ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 329.

¹⁶² Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 260–262.

¹⁶³ Пейн Р., Романов Н. Указ. соч. С. 313.

Бред? Но после усвоения идеологии «Третьего Рима» всякие там низменные расчеты – «а хватит ли на реализацию / той или иной задачи / сил?» – перестали иметь для царя какое-либо значение. Ну какие, право, дипломатические, экономические, военные и прочие калькуляции надобны тому, кому предначертано стать «наместником Бога на Земле»? К тому же с учетом накопленного Россией в доопричные времена экономического потенциала могло показаться, что столь широкомасштабные планы – не такой уж и бред. Между прочим, в 1560 г. литовский король Сигизмунд-Август писал английской королеве, что, мол, если русским поставлять все необходимое оружие, «то они поработят все прочие народы»¹⁶⁴.

Впрочем, есть серьезные основания думать, что на тот момент можно было обойтись и без заграничных поставок (понятное дело, не для «порабощения всех прочих народов», а для реализации на самом деле важных национальных задач). Например, русская артиллерия была исключительно мощной. При осаде русскими Полоцка в 1563 г. (о ней речь впереди) польские и немецкие артиллеристы отмечали, что «ни в одном государстве не видели таких больших орудий, как у царя». Они пишут в своих воспоминаниях, что у русских было 150 пушек, из них 36 стреляли не ядрами, а зажигательной смесью. Самую большую пушку тащило будто бы 1040 посошных людей. Это – явное преувеличение, однако

¹⁶⁴ Мадариага И. де. Указ. соч. С. 218.

документально зафиксировано, что самая большая пушка – так называемая «Кашпирова» (возможно, по имени мастера, судя по всему – немца) – весила 1200 пудов (19,2 тонны) и стреляла двадцатипудовыми (320-килограммовыми) ядрами. Зафиксирован и факт ничтожных потерь русских при взятии Полоцка – 85 человек (четыре сына боярских, 15 вооруженных слуг и 66 стрельцов), что стало именно результатом мощи русской артиллерии, огонь которой и заставил защитников города сложить оружие¹⁶⁵. И в дальнейшем Россия, несмотря на опричное разорение, продолжала удивлять Европу мощностью своей артиллерии. Например, имеются свидетельства иностранцев от 1576 и 1588 гг. о том, что «ни один христианский государь не имеет столько /артиллерийских орудий/» и что в наличие такого их числа «кто не видел, тот не поверит»¹⁶⁶. И даже после разгрома России начала 1580-х гг., о котором впереди большой и подробный разговор, в 1582 г. поляки, по свидетельству аббата Пиотровского, «были поражены, найдя в каждой ливонской крепости столько пушек, пороха и пуль, сколько во всей стране (Польше? – Д. В.) не могли найти»¹⁶⁷, хотя это свидетельство лично мне представляется преувеличением.

Но вернемся к «третьеримским» планам царя. Мы еще об-

¹⁶⁵ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 155–156.

¹⁶⁶ Колыванова В. Царь Иван Грозный. Исторический путеводитель. М., 2013. С. 36–37.

¹⁶⁷ Цит. по: Валишевский К. Указ. соч. С. 359.

судим вопрос, зачем ему это было надо, равно как и то, почему, особенно после введения Опричнины, подобное предприятие не могло не кончиться крахом, а пока отметим, что до 1563–1564 гг. Ливонская война тоже шла как нельзя более успешно.

Если бы воссоединение России, Литвы, казахских степей (казахи в 1550-х гг., как мы далее увидим, тоже начали проситься «под государеву руку»), Крыма состоялось, то фактически Россия уже в то время достигла бы тех естественных евразийских границ (о евразийстве и евразийских границах – подробнее дальше), которых она реально достигла к концу правления Екатерины II. Тогда Россия-Евразия, и именно в своих естественных границах, прочно вошла бы в Европу уже в середине XVI в., а проведенные «либеральные» преобразования закрепились бы под влиянием Литвы с ее «вольностями». По крайней мере, такой – определяемый национальными интересами страны – вариант развития событий имел куда больше шансов на успех, чем химерические идеи «нового Рима».

Таким образом, выбор был – не «Крым или Ливония», а – реализация национальных интересов страны в виде собирания восточнославянских (и не только восточнославянских – об этом ниже) земель или химера в виде «Нового Рима».

Справедливости ради стоит отметить, что были и помимо поиска выходов к морю более практические причины для «поворота на Германы». Так, в 1546–1547 гг. царь послал к

императору Карлу V немца на русской службе Ганса Шлитте, которому было поручено набрать в Германии сведущих мастеров, каковых он и набрал аж 123 человека. Однако по пути в Россию, в Любеке, Шлитте был задержан, а его спутники разогнаны¹⁶⁸.

Однако не забудем: как раз в это время, в 1546–1548 гг., в Германии шла религиозная война между императором Карлом V и немецкими лютеранскими князьями («Первая Шмалькальденская война»), причем ганзейские города германского Севера, как города лютеранские, конечно, поддерживали противников императора. Как, спрашивается, должны были поступить власти Любека с людьми, ехавшими хотя бы и в нейтральную в той войне Россию, но из враждебных им земель? Как бы поступил, скажем, СССР, если бы через его территорию в годы Великой Отечественной войны поехали приглашенные в нейтральную (по отношению к СССР) Японию немецкие специалисты? Как поступила бы в 1940 г. Германия, если бы британские специалисты поехали через ее территорию в не воевавший еще к тому времени с Германией СССР? Как поступила бы Великобритания, если бы из Германии в еще не воевавшую с ней Японию проследовали бы немецкие специалисты, скажем, через Сингапур? Примеры можно продолжать..

Еще одна практическая причина, упоминаемая Дм. Володихиным, – необходимость дать помещикам земли, поскольку

¹⁶⁸ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 350–351.

ку, мол, на Крымском направлении их еще надо было осваивать, даже если бы и довели войну с Крымским ханством до полной победы. А в Ливонии имелись уже готовые, столетиями ухоженные и обустроенные поместья¹⁶⁹.

Однако это – уже из области анекдотов: в огромной России не хватает поместий, и приходится отправляться за ними в маленькую Ливонию! Да отберите вы хотя бы часть имения у «ленивых богатинов»-иосифлян, вот вам и поместья! Но если и исходить из того, что церковные земли трогать нельзя, а Крымское ханство еще не разбито, то что из того? Зато разбиты ханства Казанское и Астраханское, и поволжские «подрайские» почвы дают урожаи в два-три раза больше, чем супеси и суглинки Центральной России!¹⁷⁰

Короче говоря, если более прагматические, продиктованные реальными интересами страны причины «поворота на Германы» и были, то, во-первых, можно было обойтись и без их реализации, а во-вторых, и это главное, если бы без их реализации обойтись было и нельзя, то основную роль играли не они.

¹⁶⁹ Володихин Дм. Указ. соч. С. 67–69.

¹⁷⁰ Тюрин А. Указ. соч. С. 203.

Поворот «От избранной рады к опричнине»

«Реформы закончены, забудьте»

Итак, ничему из планов завершения «либеральных» реформ, собирания древнерусских (и некоторых других) земель и вхождения России в Европу не суждено было состояться. Почему? С этим нам и предстоит теперь разобраться.

Начнем с того, что вопреки советам Избранной Рады (о чем с горечью писал позднее князь А. М. Курбский) поход на Крым был прерван¹⁷¹. Более того, уже в начале 1560 г. царь выразил готовность рассмотреть «мирные предложения» крымского хана (мы еще увидим, что это были за «предложения»); Р. Г. Скрынников объясняет это начавшимися проблемами в Ливонии¹⁷², однако, как мы далее увидим, на тот момент особых «проблем» еще не было. Да, поход на Крым 1559 г. был свернут, так как мирные переговоры с Литвой по поводу Ливонии завершились ничем¹⁷³, но

¹⁷¹ Fennel J. (ed). Prince A. M. Kurbsky's History of Ivan IV. Cambridge, 1965. P. 126.

¹⁷² Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 133.

¹⁷³ Пенской В. В. Указ. соч. С. 74.

не думается, что в свете продолжавшихся успехов на обоих театрах военных действий это обстоятельство стало решающим.

Более того, в начале 1562 г. (то есть почти сразу после полного разгрома Ливонского ордена, о котором я еще скажу) в Крым прибыл российский посол А. Ф. Нагой с «богатыми поминками» с целью обсудить с Крымом условия мирного договора¹⁷⁴. Повторить подвиги русского войска 1556–1559 гг. удастся частично лишь князю В. Голицыну через 130 лет, в правление царевны Софьи, полностью – фельд-маршалу Миниху через 180 лет, при

Анне Иоанновне. И лишь еще через без малого полвека, в 1783 г., при Екатерине Великой, Крымское ханство будет наконец ликвидировано, а его территория присоединена к России.

Почему же поход на Крымское ханство, так удачно начатый, был вдруг прерван? Потому, что примерно с 1561 г. царь охладел к идее войны с Крымом до победного конца?¹⁷⁵ Если и так, то чем это было вызвано? Мы уже видели: явно не Ливонской войной. Мы еще скажем о возможных личных мотивах царя, пока же приведем мнение К. Валишевского: мол, «в армии приобретает значение военный совет, он даже заставляет слушаться и считаться с его решениями во время неудачных походов. Но пусть улыбнется

¹⁷⁴ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 153.

¹⁷⁵ *Пенской В. В.* Указ. соч. С. 92.

победа... – прощай, Генеральный штаб! Планы Наполеона не обсуждают!»¹⁷⁶ Непонятно, правда, почему же в дальнейшем, после начавшихся поражений, царь по-прежнему никого не слушал. Может быть, тут необходимо вспомнить, что внешняя политика является продолжением политики внутренней? Обратим же взор на последнюю. Однако здесь необходимо посмотреть на вещи шире и найти причины не только отказа от похода на Крым, но и неудачи «либеральных» реформ в целом.

Говоря об эпохе Ивана Грозного, А. Л. Янов сообщает о политической борьбе двух лагерей, первый из которых составляли уже знакомые нам церковные реформаторы – «нестяжатели», русский аналог западных протестантов. Их идейный руководитель преподобный Нил Сорский, какуже говорилось, учил «чернецов» (монахов) жить «нестяжательно» (отсюда и название движения), не владеть имуществом и кормиться «рукоделием»¹⁷⁷. Кроме того, в этот лагерь входили боярство и зажиточное крестьянство («предбуржуазия»).

Второй же лагерь представляло, во-первых, традиционное духовенство (иосифляне); их глава преподобный Иосиф Волоцкий считал, что Церковь должна быть богатой, каковой (фактически крупнейшим в стране феодалом) она и была. При этом он был сторонником столь же свирепых методов борьбы с церковными реформаторами, к которым прибегала

¹⁷⁶ *Валишевский К.* Указ. соч. С. 51.

¹⁷⁷ *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 56.

католическая инквизиция, и «токмо для того учинил Собор, чтобы их казнити – жечи да вешати»¹⁷⁸. Кроме них, входили во второй лагерь также бюрократия и помещики. Почему ко второму лагерю примкнули церковники – понятно: несмотря на компромиссность, реформа Стоглавого собора 1551 г. все же была шагом вперед, к секуляризации церковных земель. Но и такой вариант решения проблемы, как мы уже видели, изрядно напугал церковников¹⁷⁹. Почему к этому лагерю примкнула бюрократия – тоже ясно. А вот почему это сделали помещики? И была ли у реформаторов возможность перетянуть их на свою сторону?

Помещики, в отличие от бояр, получавшие земли временно, за службу, смотрели на поместья не как на свое имущество, которое надо беречь, а как на объект для грабежа, который надо «ободрать» побольше, пока не отобрали, не думая о дальнейшем. Поэтому крестьянская «предбуржуазия», естественно, развивалась в боярских вотчинах, а не в поместьях. Однако был шанс за счет секуляризации церковных земель удовлетворить и интересы служилого дворянства («воинников» Пересветова), причем не только не в ущерб «предбуржуазии», но и к большей по сравнению с тем, что вышло в реальности, выгоде «воинников», которые в этом случае не были бы повязаны обязательной военной службой (против чего, как уже говорилось, был и тот же Пересветов).

¹⁷⁸ Там же. С. 79.

¹⁷⁹ Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 227.

А. Л. Янов видит трагедию страны в XVI в. в том, что победил второй лагерь¹⁸⁰, и он, как представляется, прав. Но почему так произошло? Ведь сам же Янов пишет, что ситуация для контрреформаторов была отчаянная, все работало против них – и экономический бум, и рост крестьянской «предбуржуазии», и то, что по мере формирования стрелецких полков теряла свое военное значение дворянская конница... И вдруг – они победили!¹⁸¹ Почему?

Потому что не были в вопросе поддержки реформ единомышленны Адашев и Сильвестр? Однако положение Адашева после болезни Ивана Грозного в марте 1553 г. упрочилось¹⁸²: как известно, тогда царь серьезно заболел, и были основания опасаться летального исхода, поэтому встал вопрос, кто будет наследником. Сам царь хотел, чтобы бояре присягнули его малолетнему сыну Дмитрию, часть же бояр поддерживала двоюродного брата царя, князя Владимира Андреевича Старицкого, мотивируя это тем, что именем малолетнего Дмитрия станут править родственники Анастасии, Захарьины, будущие Романовы, а что такое боярское правление, мол, они уже хорошо знают по периоду малолетства самого Ивана Васильевича.

Так вот, тогда митрополит Макарий и его ставленник Сильвестр действительно поддержали Владимира, Адашев

¹⁸⁰ Там же. С. 157–160.

¹⁸¹ Там же. С. 242.

¹⁸² Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. С. 65.

же присягнул Дмитрию. Однако отец Адашева высказал нечто, не понравившееся Захарьиным, и те настроились против него, что не могло не способствовать сближению Адашевых с Сильвестром и Макарием¹⁸³. Короче говоря, реформаторы потерпели поражение не из-за разногласий между ними. Тогда почему?

Потому, что не удалась церковная реформа и Россия попала в общий поток контрреформации, захвативший и католические страны от Испании до Польши? Этому процессу сопутствовало и закрепощение крестьянства в этих странах, в то время как на Западе зависимость крестьян от феодалов, напротив, ослабевала; поэтому не выдерживает критики утверждение К. Валишевского о том, что «к концу XVI века, когда во всех европейских государствах, не исключая и соседней с Россией Польши, связи между крестьянином и владельцем земли были разорваны или по крайней мере ослабевали»¹⁸⁴: «второе издание крепостничества» с XV–XVI по XVIII–XIX вв. имело место во всех странах «второго эшелона» Европы – в Германии, Польше, Чехии, Венгрии, в некоторых местностях Испании и даже Италии. И именно эти страны, кстати, в XX в. испытали господство тоталитарных режимов. Россия тут исключением не стала.

Но бесспорно другое: нигде ведь процесс поражения ре-

¹⁸³ Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. М., 2006. С. 74, 93.

¹⁸⁴ Валишевский К. Указ. соч. С. 27.

формации не был так губителен, как в России. Кстати, и в Германии, хотя там и победила Реформация, но в лютеранской своей форме она была не буржуазной, а «княжеской». Некоторые историки видят в событиях 1517–1525 гг. (от начала выступлений Мартина Лютера до поражения Крестьянской войны в Германии) «раннебуржуазную революцию», потерпевшую неудачу. Но ведь и в Германии не было ничего подобного тому, что испытала Россия при Иване Грозном. Почему? Почему невозможно спорить с другим утверждением К. Валишевского: «Вступив в общение с Западным миром, Россия, казалось, вместе с другими плодами цивилизации должна была усвоить и свободу... Это была эпоха, за которой последовало всеобщее порабощение народа. Как же это случилось?»¹⁸⁵ Есть основания считать: вмешалась еще одна сила, давшая перевес второму лагерю.

Какая это была сила? Разберемся. Посмотрим на то, как исторически сложилось соотношение сил (в том числе экономических) на Руси и кому страна этим соотношением обязана. Если говорить без эвфемизмов, то в первую очередь речь идет об экономических позициях Церкви.

Начнем с того, что Церковь в России имела такие привилегии и иммунитеты, как никакая другая церковь в Европе. И обязана она была этим не Константинополю и не Москве, а Золотой Орде. Недаром в XVI в. именно на ордынские ярлыки ссылались московские церковные иерархи, защищая свои

¹⁸⁵ Там же. С. 32.

феодалыные права и привилегии. При ордынском иге Церковь не только была освобождена от дани (а также от таможенных сборов, ямской повинности и вообще от каких-либо повинностей) сама, но более того, от налогов были освобождены и те, кто на нее работал («мастера... слуги и работницы и кто ни будет из людей, тех да замают ни на что, ни на работу, ни на сторожу (несение военной службы? – Д. В.)»), а сверх того, как уже упоминалось, она имела право самостоятельного управления своими владениями вплоть до права вершить суд «и в разбое, и в поличном, и в татьбе, и во всяких делах ведает сам митрополит один или кому прикажет»¹⁸⁶.

Неудивительно, что Церковь не только занимала в этот период не очень дружественную, мягко говоря, позицию по отношению к курсу, избранному молодым Иваном IV с подачи Адашева и Сильвестра (как и ранее по отношению к Ивану III), но Священный Собор 1547 г. канонизировал Александра Невского, воевавшего с немцами и шведами и «смирившегося» с ордынским игом, однако отказал в этом Дмитрию Донскому, победившему Орду на Куликовом поле¹⁸⁷. С учетом того, о чем только что шла речь, это по меньшей мере подозрительно.

А как насчет самого царя? Дм. Володихин, солидаризируясь в данном вопросе с А. Яновым, пишет, что для успе-

¹⁸⁶ Янов А. Л. Европейское столетие... С. 170–171.

¹⁸⁷ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 39.

ха реформ, задуманных молодым Иваном Грозным, «нужен был второй Иван Великий» (Иван III. – Д. В.)¹⁸⁸, а был ли внук достоин деда? Как известно, на Западе Ивана Грозного часто называют «Ужасным» – «Ivan The Terrible». Многие историки, и отнюдь не только апологеты Грозного, оспаривают это утверждение, однако оспаривание представляется нам верным только для первых полутора десятилетий его царствования, тогда как далее он действительно становится «ужасным». Мы в этом еще убедимся... Но быть «крутым тираном» и быть великим реформатором – разные вещи.

К концу 1550-х гг. Иван Васильевич уже вполне прочно усвоил внушенные ему церковниками-иосифлянами идеи «самодержавной революции», пишет Янов, а также и «першего государствования» (т. е. «сверхдержавности»)¹⁸⁹. О «першем государствовании» уже говорилось, о претензиях на «новый Рим» тоже, а вот понятие «самодержавная революция» необходимо расшифровать. А для этого надо понять: что же именно царю внушили иосифляне? Посмотрим.

Письма Ивана Грозного к князю А. М. Курбскому – это, по словам Р. Г. Скрынникова, «подлинный манифест самодержавия». Русский царь, пишет Грозный, получил свои права от Бога, посему нечего смотреть на «безбожные народы», у которых «работные (подданные. – Д. В.) их указывают государям, как править». Далее царь приводит примеры

¹⁸⁸ Володихин Дм. Указ. соч. С. 163.

¹⁸⁹ Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 83, 201–207 и т. д.

гибели «несамодержавных» государств древности, а также обосновывает необходимость репрессий против тех, кто с неограниченной властью монарха не согласен¹⁹⁰. И всего этого царь набрался у иосифлян!

Так, во время паломничества в Песношский монастырь (под Дмитровом) Иван Грозный увиделся с одним из лидеров иосифлян – бывшим коломенским владыкой Вассианом. И тот ему сказал буквально следующее: «Если хочешь быть настоящим самодержцем, не держи около себя никого мудрее тебя самого; ты всех лучше. Если так будешь поступать, то тверд будешь в своем царстве, и все у тебя в руках будет, а если станешь держать около себя мудрейших, то поневоле будешь их слушаться». Отметим, помимо всего прочего, что тут налицо логическое противоречие: если царь «всех лучше», то откуда ему найти кого-то «мудрее себя»? Царь, однако, этого противоречия не заметил и заявил: «Если бы отец родной был жив, так и он не сказал бы мне ничего лучшего!»¹⁹¹

Кстати, бывший нестяжатель Максим Грек предсказал царю, что, если он поедет в Песношский монастырь, то его маленький сын Дмитрий умрет. Так и случилось, но царя это несчастье ни в чем не убедило. Уже в июле 1554 г., когда князь Никита Ростовский решил «отъехать» в Литву, считая это своим неотъемлемым правом «по старине», то он был

¹⁹⁰ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 197–200.

¹⁹¹ *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 351.

схвачен и сослан на Белоозеро¹⁹². Таким образом, царь здесь явно послушал иосифлян, порушив «старину» с ее правом на «отъезд» в пользу самодержавия.

Вообще, если прежние советники из лагеря «либералов» относились к царю как к подопечному, а нестяжалели и вовсе «прокололись», объявив брак родителей царя «блудом» (а следовательно, рассуждая логически, и его – незаконнорожденным!)¹⁹³, а Курбский позднее вообще назвал царя «от блуда зачатым богоборным Антихристом»¹⁹⁴, то новые – «самодержавно-революционные» – всячески льстили ему, восславляли его мудрость ит. д.; все это как нельзя более соответствовало новым (а может быть, «хорошо забытым старым»? – вспомним его воспитание до 1547 г. – *Д. В.*) настроениям монарха, требовавшим неограниченной власти¹⁹⁵.

При этом уже современники Ивана Грозного, например, тот же Курбский, довольно недвусмысленно высказывались в том плане, что причина заключается в советниках и окружении царя. Именно они правили государством и толкали Грозного на те или иные действия. И вот это, простое и вполне понятное объяснение почему-то никогда не принималось всерьез. Все, что происходило в стране, ассоциировалось исключительно с именем царя. И можно понять, почему. Тра-

¹⁹² *Валишевский К.* Указ. соч. С. 249–250.

¹⁹³ Там же. С. 137.

¹⁹⁴ *Мадариага И. де.* Указ. соч. С. 236.

¹⁹⁵ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 139.

диционно Ивана Грозного принято представлять сильной и волевой личностью, что, по мнению некоторых исследователей, было далеко не так: подлинный Иван Васильевич был менее величествен, более слаб духом и уж совсем не обладал той демонической силой воли, которую ему приписали впоследствии. В начале XX в. профессор психиатрии П. И. Ковалевский на основании анализа фактов из жизни и поведения царя пришел к следующим выводам: «...Царь в умственном отношении представляет собой безвольность, подобную гипнотическому состоянию. Окружающие являлись гипнотизерами без гипноза. Безвольный царь являлся бессознательным, но энергичным и ярым исполнителем их внушений. У него не доставало ни способности самостоятельно действовать, ни сознания собственного бессилия и подчиняемости чужому влиянию». Говорит Ковалевский, кстати, и о царской паранойе и мании преследования, что и порождало его стремление «блуждать по государству»¹⁹⁶, хотя мы увидим, что у такого стремления могло быть и иное объяснение, с психическим здоровьем царя никак не связанное.

То же писал и историк XIX в. М. П. Погодин: «Иоанн с 1547 г. сделался лицом совершенно страдательным и не принимал никакого участия в управлении... Очевидно, что это (реформы начального периода его царствования. – Д. В.) – результат действия новой партии при дворе, не похожей на

¹⁹⁶ Ковалевский П. И. Иоанн Грозный и его душевное состояние. Вып. 2. Харьков, 1893. С. 500–501.

все прежние (но продолжающей политику развития по европейскому пути, только на более высоком уровне; если без эвфемизмов – проводящей раннебуржуазную революцию сверху. – Д. В.), и слава за оные принадлежит ей, а не Иоанну». Погодин обнаружил, что Иван в письме Курбскому также приписал «либеральные» реформы начального периода своего царствования Избранной раде¹⁹⁷. Итак, резюмирует А. Л. Янов, не принадлежит Иоанну «голубой» период его царствования¹⁹⁸. А «черный»? Разберемся. Для начала – слово тому же Погодину: «Война с ливонскими немцами не есть ли хитрая уловка противной («либеральным» реформам. – Д. В.) партии?»¹⁹⁹

Возможно, резюмирует В. Куковенко (по поводу цитируемого им заключения П. И. Ковалевского, но это можно отнести и к выводам М. П. Погодина), что это слишком крайняя и резкая оценка, но многочисленные факты все же говорят, что Грозный всегда был игрушкой в руках своего окружения. Оно всегда было сильнее его²⁰⁰. Однако это не дает ответа на важнейший вопрос.

¹⁹⁷ Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 246–247.

¹⁹⁸ Янов А. Л. Европейское столетие России. С. 484.

¹⁹⁹ Погодин М. П. Указ. соч. С. 351.

²⁰⁰ Куковенко В. Инородцы у трона // Московский вестник. 1996. № 5–6. С. 191–192.

При чем тут Орда?

А теперь мы подходим к тому, ради чего, собственно, и писалась эта книга. Пусть М. П. Погодин, П. И. Ковалевский и В. Куковенко правы (все-таки с учетом многого другого, что мы знаем об Иване Грозном, в этом есть серьезные сомнения), но почему царь отверг именно Сильвестра и Адашева и поддался именно вдохновителям Опричнины?

Для начала мы должны вспомнить, что по материнской линии первый русский царь был потомком Мамае, хана-узурпатора Золотой Орды. После гибели Мамае в борьбе с Тохтамышем его сын Мансур бежал в Литву, был принят там как «политический беженец» и жил на южной окраине Литовского княжества. А в 1399 г. за оказанные услуги (спасение жизни великого князя Витовта после поражения литовцев на р. Ворскле от той же Золотой Орды) потомок Мамае (Л. Н. Гумилев пишет – «казак Мамай»), но, судя по тому, что от событий 1380 г. прошло только 19 лет, это был сам Мансур) получил имение Глину и титул князя Глинского²⁰¹. Вот из рода князей Глинских и происходила мать Ивана IV —

Елена Глинская. Интересно, что всегда скрупулезный и добросовестный во всем, что касается исторических подробностей, Р. Г. Скрынников не решается говорить о родстве

²⁰¹ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1993. С. 629, 666.

Грозного с такой одиозной личностью, как Мамай, он просто указывает, что род Глинских происходил «от знатного татарина, выходца из Золотой Орды»²⁰², стесняясь назвать «знатного татарина» по имени.

Морис Дрюон в «Проклятых королях» говорит об английском короле Эдуарде III Плантагенете (по матери – внуке Филиппа IV Красивого из династии Капетингов): в какой-то момент Плантагенет победил в нем Капетинга. Так вот: может быть, после того как в Иване Грозном «Мамай в какой-то момент победил Дмитрия Донского», «второй лагерь» получил перевес за счет земель бывшей Золотой Орды, вошедших к тому времени в состав России?

Вероятно, менталитет наследника золотоордынских ханов и потомка (по материнской линии) Мамаю оказался сильнее как менталитета московских (и киевских, от Рюрика) князей, так и сознания государственной пользы реформ. Понятно, что такой монарх должен был скорее поддаться внушениям о том, что «царь должен никого не слушать, а всем повелевать, подданных же своих волен казнить и миловать»... ну и, понятно, внушениям о «першем государствовании»²⁰³, о необходимости покорения мира (ведь и татаро-монголы рвались к «последнему морю»), чем внушениям Адашева и Сильвестра. Так и произошло.

Но о мировых проблемах – дальше, а пока – вопрос: с чего

²⁰² *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 9.

²⁰³ *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 355.

такой монарх должен был начинать внутри страны? Правильно, в феодальном обществе по понятным причинам главным противовесом самовластию монарха является аристократия. Неудивительно, что Иван Грозный обрушился именно на русскую аристократию, сохранившую еще от времен Древней Руси вольный дух, как и неудивительно, что он видел ей противовес в аристократии степной, где вольный дух был искоренен еще

Чингисханом; о том, как и когда это искоренение произошло и насколько оно было прочно – в следующей главе.

Выше мы много говорили о том, что влияние Степи, в том числе и Золотой Орды, не свернуло *тогда* Россию с европейского пути развития. Однако есть основания полагать, что если не в середине XIII, то во второй половине XVI в. это все же произошло. По крайней мере, появившаяся в 1996 г. уже упоминавшаяся интересная статья В. Куковенко²⁰⁴ заставляет прийти к такому выводу: если правители Золотой Орды ограничивались данью, не вмешиваясь во внутренние дела Руси, то в царствование Ивана Грозного в форме Опричнины имела место попытка создания новой Орды со столицей в Москве вместо Сарая. Советский писатель и историк С. Н. Марков вкладывает в голову Мамаю такую мысль: мол, я не повторю ошибку Батыею, я обоснуюсь не в Сараяе, а в Москве²⁰⁵. Вот Грозный ошибку прапрапрадеда и не повто-

²⁰⁴ Куковенко В. Указ. соч. С. 198.

²⁰⁵ Марков С. Н. Земной круг. М., 1966. С. 140.

рил!

Но об ордынском влиянии в Опричнине впереди большой разговор, а пока начнем по порядку. Итак, царь стал меняться уже после смерти своей первой жены Анастасии (7 августа 1560 г.), отчасти и раньше – родственники Анастасии, которые тоже поддались иосифлянам (как мы далее увидим – на свою голову...), сумели вооружить ее против Адашева и Сильвестра. «Царь, – нашептывали они Ивану, в том числе и через жену, – должен быть самодержавен, всем повелевать, никого не слушаться; а если будет делать то, что другие постановят, то это значит, что он только почтен честью царского председания, а на деле не лучше раба... Русские владетели и прежде никому не повиновались, а вольны были подданных своих миловать и казнить». Ну, дальше еще лягается Сильвестр – мол, священнику не подобает властвовать и управлять²⁰⁶, но и этого, очевидно, достаточно.

Тут мы с удивлением остановимся и спросим: разве последнее утверждение – «русские владетели и прежде никому не повиновались» – правда? Более того, в тот момент все сколько-нибудь вменяемые люди знали и понимали, что это не так. И что никогда раньше так не было. Но с примерами такого «вранья по Геббельсу» («ложь, тысячу раз повторенная, начинает звучать как правда» и «чем громаднее ложь, тем скорее поверят») со стороны самого Ивана Грозного мы еще столкнемся и их обсудим, а пока ответим на вопрос: по-

²⁰⁶ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 355.

чему же сам царь поддался такой явной лжи? Ответ, очевидно, весьма прост: чего хочется, тому верится!

Как бы то ни было, сначала он расправился со сторонниками Сильвестра и Адашева. При этом расправа касалась не только близких родственников – например, брата окольничего Данилы Адашева или тестя Петра Турова, но и родственников Сатиных; попали под раздачу «друзья и соседи знаемы, аще и мало знаемы, многие же отнюдь не знаемы»²⁰⁷, иначе говоря, не только знакомые, но и малознакомые. Самих Сильвестра и Адашева спасли от расправы: первого – уход в монастырь, второго – то, что он несколько раньше успел умереть сам, находясь в Ливонии; впрочем, это не помешало противникам еще при жизни его осудить, причем заочно, не давая оправдаться перед царем. По сообщению Курбского, только митрополит Макарий потребовал суда над Адашевым в его (Адашева) присутствии, но «царские приспешники» не дали ему говорить и сумели убедить царя в обратном. Ивану Васильевичу внушили, что Сильвестр – «чародей» и что если он допустит обоих опальных реформаторов к себе на глаза, то они опять его и детей его околдуют, добавляя еще (знали ведь, на какие монарший «болевыя точки» надавить!), что «если бы они не держали тебя в узде, ты бы почти всю вселенную обладал»²⁰⁸.

²⁰⁷ *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 129.

²⁰⁸ *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 355–358, 368; *Мадариага И. де.* Указ. соч. С. 202.

Отметим еще один аргумент интриганов: «Да кроме того, народ и войско их любят, взбунтуются против тебя и нас перебьют камнями». Как говорится, знает кошка, чье мясо съела: обрекая народ на ужасы Опричнины, они явно хотели лишить его предводителей, способных возглавить сопротивление. Что касается посылы «если бы не предательство, весь мир бы завоевали!» – кто не слышал в нашей стране таких разговоров применительно к некоторым более поздним временам! Теперь мы знаем их первоисточник.

К. Валишевский пишет, что «Иван пользовался Сильвестром и Адашевым в борьбе с боярством, но сами они предпочитали служить боярам... Заметив это, Иван удалил от себя Сильвестра и Адашева»²⁰⁹. Выше мы, однако, видели, что спор был не о том, надо ли укреплять верховную власть, а о том, какими методами и до какого предела (т. е. надо ли власть монарха хоть чем-то ограничивать). А кроме того, сам же Валишевский видит противоречие в том, что царь сковал цепями рабства производящий класс (мы об этом еще поговорим. – *Д. В.*), борясь с аристократией. В Европе было не так, но то Европа, добавляет этот автор²¹⁰. Однако мы видели, что доопричная Московия была страной вполне европейской. Так, может быть, Сильвестр и Адашев поддерживали борьбу царя с боярами до того момента, как увидели, что она не идет на пользу развитию страны, как в Европе, где ари-

²⁰⁹ Валишевский К. Указ. соч. С. 151.

²¹⁰ Там же. С. 269.

стократию окоротили как раз в пользу третьего сословия – купцов, ремесленников, горожан, зажиточных крестьян, нарождавшейся буржуазии, но направлена на «холопизацию» всего и вся, на отбрасывание страны Бог знает куда? Ну а когда увидели начавшуюся «ордынизацию» страны – и подавно поддерживать перестали.

Отметим, впрочем, что по меркам наступившей вскоре Опричнины расправа с Адашевым была сравнительно мягкой, ему дали поместья в Новгороде, отобрав при этом втрое меньшие территориально, но более прибыльные имения под Костромой, и его вдова владела этими поместьями до 1572 г. Сам Адашев, однако, пережитого не перенес и умер «от нервной горячки». Это, кстати, подтверждает правоту К. Валишевского, который считает, что в отравлении первой жены царь их не обвинял (и не мог обвинять, поскольку она заболела уже после их отставки)²¹¹, иначе – будь у Грозного хоть малейшие подозрения на этот счет – расправа, несомненно, была бы куда круче!

Отметим, что тогда же бывший соратник Адашева и Сильвестра М. Я. Морозов, чтобы спастись самому, оболгал некоего воеводу Шишкина; через два года так же поступит он и с жителями Дерпта – оговорит их, заявив, что они «ссылалися с магистром Ливонским... и хотели Государю... изменить, а магистру служить»²¹².

²¹¹ Там же. С. 250.

²¹² *Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 281.*

Покончив с Адашевым и Сильвестром, царь Иван теперь стремился искоренить самую память об «Избранной Раде». Начал же он с искоренения внешних сторон поведения, которые проповедовали Адашев и Сильвестр. На место проповедовавшейся Сильвестром умеренности («унылого постничества» – кстати, таковое тоже вполне в раннебуржуазно-протестантском духе; примерно то же самое проповедовали тогда кальвинисты – скромность, бережливость, усердный труд для приумножения богатства, хотя, конечно, без «перегибов» что у Кальвина, что у Сильвестра с его Домостроем не обходилось) пришли самые необузданные пьянство и разврат. Да тут, кстати, в 1560 г. и Вселенский собор в Константинополе подтвердил царский титул московского государя (впрочем, «малое духовенство» других православных церквей следовать примеру патриархов не спешило)²¹³, что дало дополнительные поводы как для новых торжеств, сопровождавшихся буйными пирушками, так и для искоренения «вредного духа»: так, в том, что в человеке еще сохранился «дух Сильвестра и Адашева», упрекали, например, тех, кто не напивался на пирах допьяна.

Между тем Великое княжество Литовское стало противником Москвы: в 1559 г. Ливония заключила союз с Литвой, которая обязалась помогать в войне с Россией в обмен на часть ливонской территории. Два года спустя, в 1560–1561 г., русские окончательно разбили Ливонский орден

²¹³ Там же. С. 144; *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 101–102.

вместе с помогавшими ему литовцами, овладели (21 августа 1560 г.) г. Феллин (ныне Вильянди в Эстонии) и взяли в плен великого магистра В. Фюрстенберга. Правда, Адашева, под водительством которого эти победы были одержаны, от опалы они не спасли...²¹⁴ После того Ливонской орденом совсем прекратил свое существование, разделив свои владения между Швецией (Эстляндия, ныне север Эстонии), Данией (о. Эзель, ныне Сааремаа) и Литвой (остальная часть Ливонии – нынешние Латвия и Южная Эстония). Хотя это обстоятельство не помешало русским в первые годы после того продолжать войну успешно.

Однако начавшееся «закручивание гаек» вызвало «отъезды» бояр и отнюдь не только бояр в Литву. Так, попытался бежать и двоюродный дядя царя Василий Михайлович Глинский. В 1560 г. он получил боярство, но уже в июле 1561 г. по ходатайству Захарьиных подвергся опале: ему выщипали бороду (что само по себе было великое бесчестие) и заставили ходить в черном. Вскоре по «печалованию» (ходатайству о помиловании) митрополита Макария царь простил дядю, но при этом взял с него обязательство «не ссылатися ни человеком, ни грамотой» с польским (может быть, литовским. – Д. В.) королем и выдать всех, кто «учнет с ним думати о литовской посылке и отъезде»²¹⁵.

Затем пошли казни других неугодных бояр («для нача-

²¹⁴ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 134.

²¹⁵ *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 107.

ла» – тех, кто чем-то не угодил Захарьиным)²¹⁶, порождавшие, в свою очередь, бегство новых и новых бояр в Литву. Со своей стороны, Литва тоже провоцировала эти «отъезды». Так, в 1561 г. литовский воевода Радзивилл обратился к московским воеводам князьям Т. А. Кропоткину, М. Путятину и Г. Трусову с предложением изменить «окрутному и несправедливому государю», который, мол, «и жен и детей ваших и имущество заберет, коли похочет»²¹⁷. Неизвестно, как указанные воеводы на такое обращение отреагировали, но царь заподозрил, что они поддались на уговоры, и посадил их в тюрьму, правда, два года спустя выпустил. Зато в январе 1563 г. в Невеле, где царь остановился на пару дней по пути на Полоцк, он своими руками казнил (забил палицей) князя И. Шаховского-Ярославского.

Наиболее знаменитый из беглецов, бывший ближайший соратник царя князь А. М. Курбский, как командующий авангардом при успешном походе на Полоцк (январь-февраль 1563 г.) мог рассчитывать на отдых и награду. Однако вместо этого его отправили воеводой в Юрьев, дав меньше месяца на сборы. Между тем Юрьев, как мы помним, был местом ссылки Адашева, что само по себе могло восприниматься Курбским как нехороший намек.

Впрочем, для такого поступка царя по отношению к Курб-

²¹⁶ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 171.

²¹⁷ Сборник Русского исторического общества (далее – РИО). Т. 71. СПб, 1910. С. 235.

скому имелись некоторые основания (с точки зрения тиранина, конечно). В ходе расправы с родней Адашева царь поверил «доводу» (доносу) о заговоре стародубских воевод (конкретно – И. Ф. Шишкина, вероятно, того самого, о котором говорилось выше), и упоминавшиеся родственники Адашева Туров, Сатин и другие погибли именно в ходе следствия (если его можно так назвать) по этому делу. Сложил голову на плахе и сам Шишкин. Так вот, Курбский, возможно, был назначен воеводой в Юрьев, не получив заслуженного отпуска, именно за то, что заступился за этих несчастных. По крайней мере, сам царь в позднейшей переписке с беглым князем говорил именно об этом – о «наказании за связь с изменниками»²¹⁸.

К тому же Курбский состоял в родстве с двоюродным братом царя Владимиром Андреевичем Старицким (тот был женат на его сестре), дело которого как раз в это время расследовалось; подробнее о нем еще будет сказано ниже, пока же отметим, что первая ссылка Владимира Старицкого (в родовой удел) произошла как раз летом 1563 г.; впрочем, уже осенью царь снял опалу и в знак примирения приехал на отдых не куда-нибудь, а в Старицу;²¹⁹ похоже, что Иван Грозный любил вот так, подобно Сталину 370 лет спустя, играть со своими жертвами в кошки-мышки: придавить – и выпустить. Впрочем, скорее верно то, что до введения Опрични-

²¹⁸ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 157–158.

²¹⁹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 370.

ны он, опять-таки как Сталин до 1937 г., еще не мог казнить и миловать кого хотел: приходилось считаться с оппозиционными настроениями.

Непосредственной причиной бегства Курбского послужило предупреждение о грозящей опале²²⁰. Впрочем, есть сведения, что и до этого предупреждения Курбский в течение минимум месяца вел переговоры с литовским королем о переходе на его сторону. И что при переходе к литовцам его сразу богато одарили. Но если это и так, то повторим еще раз выдержку из письма Грозного Курбскому – «манифест самодержавия» (тут, как мы видели, явно видна рука иосифлян): безбожные «языцы» (вернее, судя по контексту, их монархи. – Д. В.), мол, «царством своим не владеют, как им повелят работные (подданные. – Д. В.) их, тако и владеют. А российское самодержавство изначально само владеет своим государством, а не боляре и не вельможи». Даже высшая знать у царя, по Грозному, является не «братьями», но «холопами». Засим следует ставшая уже хрестоматийной фраза: «Жаловать своих холопей есьмы вольны, а и казнить вольны же»²²¹.

Оставим риторику, разберем суть ответа. «Российское самодержавство изначально само владеет своим государством»; то, что *сегодня* многие верят, что всегда так было, после многих столетий промывания мозгов можно понять (о

²²⁰ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 140–141.

²²¹ Там же. С. 147.

«манкуртизации» народа еще будет более подробный разговор в конце книги). Но кому Иван Грозный в 1560-х-то годах очки втирает? Ведь все, кто в эти годы был взрослым человеком и при этом не совсем сошел с ума, в 1563–1564 гг. еще помнили, что считанные годы назад никакого «самодержавства» не было и в помине! Может быть, Иван Васильевич опять предвосхитил «отца лжи» доктора Геббельса – «чем огромное ложь, тем скорее поверят» и «ложь, тысячу раз повторенная, начинает звучать как правда»?

В принципе внушить людям явную ложь путем частого повторения можно всегда. Пример – хотя бы президентские выборы 1996 г.: за последние примерно лет десять общим местом стало то, что на них на самом деле победил Г. А. Зюганов, хотя ни одного доказательства никто никогда так и не привел. Тем не менее от частого повторения многие уже начали воспринимать это утверждение как нечто само собой разумеющееся. При Иване Грозном телевидения и Интернета не было, однако мастера пиар-технологий имелись во все времена...

Но вернемся к побегам. Сразу отметим, что бежали, как уже сказано, не только (более того – и не столько) бояре, но об этом подробнее чуть ниже. Пока только констатируем, что Россия из «страны, в которую бегут» превратилась после 1560 г. в «страну, из которой бегут». Хронологически совпали с первыми побегами и начавшиеся примерно с 1564 г. неудачи в войне с Литвой, в которую превратилась Ливон-

ская война после того, как в 1561 г. разгромленный Ливонский орден, как мы видели, поддался частично Литве, частично Швеции и Дании.

Впрочем, первые эпизодические неудачи имели место и раньше. Так, уже в августе 1562 г. в крупном сражении под Невелем 15 тысяч русских под командой самого Курбского (до того не знавшего поражений) не смогли победить 4 тыс. литовцев. Курбского если не оправдывает, то как минимум извиняет то обстоятельство, что в ходе битвы он был ранен и потерял возможность руководить боем, однако царь обвинил в неудаче именно его, и похоже на то, что именно с этого момента началась опала князя, хотя на самом деле виноваты были те, кто свернул военную реформу.

Тут можно провести параллель с генералом Власовым, который потерпел поражение на Волхове, расплачиваясь за чужие ошибки. Однако Сталин оказался справедливее Грозного (по крайней мере, в данном случае) и, понимая, что Власов не виноват, не только не собирался его наказывать, но уже заготовил указ о производстве его в генерал-полковники и о назначении на одну из руководящих должностей в Генеральный штаб. Так что зря Андрей Андреевич к немцам перешел!

Но пока, повторим, неудачи носили эпизодический характер. Уже в начале 1563 г. Иван Грозный взял реванш за невелиское поражение, одержав победу под Полоцком, взятым им 15 февраля 1563 г. Отметим, что именно здесь

началось возвышение будущего видного опричника князя Афанасия Ивановича Вяземского, который, будучи «обозным воеводой» (что-то вроде заместителя по тылу), помогал царю, который лично «разруливал», как бы сейчас сказали, «дорожные пробки»: дело в том, что большое войско с огромным обозом шло по узким лесным дорогам, так что заторы на дорогах возникали часто, и на путь в 150–180 км русская армия потратила две недели²²².

Заключив с Литвой перемирие (тут же, под Полоцком), Иван Грозный потребовал отдачи ему Ливонии и Северо-восточной Белоруссии вплоть до Западной Двины. После отказа посольства Литвы это сделать война возобновилась²²³, и царь повел наступление на Минск – двумя колоннами, от Полоцка и Смоленска. Однако кончился этот поход поражением русских на р. Улле 26 января (по другим источникам – 15 февраля) 1564 г.²²⁴ Русское войско под командой воеводы П. И. Шуйского, насчитывавшее примерно 22 тыс. человек, в том числе 8 тыс. татар (отметим тот факт что татар почти 40%, а возможно, как мы далее убедимся, и больше, – он нам еще пригодится при разговорах о провале военной реформы и о влиянии бывшей Золотой Орды на Опричнину), было разбито внезапным нападением врага. Сам Шуйский был сбит с коня, бежал («пешутек»), но был пойман и утоплен

²²² Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 154–155.

²²³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 373.

²²⁴ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 104.

(«посажен в воду») белорусскими крестьянами²²⁵. Мы не знаем, что послужило причиной такого поступка последних (о догадках о том, почему это могло произойти – ниже), однако летом 1564 г. русские потерпели еще одно поражение – под Оршей, хотя и не такое масштабное. А крымский хан, узнав об этом, отказался заключать с Москвой союзный договор (проект которого еще в сентябре 1563 г. привез к нему царский посол Ф. Салтыков)²²⁶.

Пошли неудачи и на других фронтах. Впрочем, пока они тоже были маломасштабными и сравнительно легко поправимыми. Так, в 1563 г. сибирского хана Едигера, восемью годами ранее, как мы помним, добровольно признавшего зависимость от России, сменил родственник ханов Бухарских Шейбанид Кучум, после чего, как сообщает нам Р. Г. Скрынников, пало русское влияние в Сибири²²⁷. Однако мы еще увидим (со слов того же автора), что последнее на самом деле произошло десятью годами позже. А вот русское влияние в Кабарде и Адыгее действительно было утеряно в 1562 г.; правда, в Кабарде в следующем году воевода Г. С. Плещеев его восстановил, а вот в Адыгее окончательно победила прокрымская внешнеполитическая ориентация²²⁸. Победила на-

²²⁵ ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 190.

²²⁶ ПСРЛ. Т. XIII. С. 372, 384.

²²⁷ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 162.

²²⁸ Кушаева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // Исторические записки. 1950. Т. 34. С. 274–275.

долго – собственно, только спустя три века, в 1864 г., Западный Кавказ окончательно вошел в состав России. Причем не добровольно, как в 1550-е гг., а после кровопролитной Кавказской войны.

Начало Опричнины

Ответом на побеги и военные неудачи и стала Опричнина, учрежденная в декабре 1564-го – начале января 1565 г. Впрочем, уже непосредственно после поражения на Улле подозреваемые главные виновники (реальные или «назначенные» – не знаю) этой неудачи, князя Репнин и Кашин, были убиты прямо на улице, без суда²²⁹. В данном случае эту исключительную на тот момент меру расправы (очень скоро – с учреждением Опричнины – такие убийства станут в Московском царстве нормой...) можно объяснить тем, что в поражении виновен был и сам царь, пославший армию вперед несколькими раздельными колоннами, и чтобы «отмазать» самодержца от вины за поражение, этих бедолаг и казнили поскорее и пострашнее²³⁰.

А в октябре 1562 г. в письме к Крымскому хану царь называет тех, кто будто бы ссорил его с ханом (мол, «извел я их всех – теперь и дружить можно»): кроме Адашева и боярина Большого Шереметева, в этот список попал и Иван Висковатый, которого, однако, всего лишь отправили в «почетную ссылку» – послом в Данию, а в ноябре 1563 г. вернули в Москву²³¹. Зато поплатился жизнью боярин Ф. Д. Овчина,

²²⁹ *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 131.

²³⁰ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 174.

²³¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 343, 371–372.

попрекнувший Федора Басманова (сына Алексея Басманова) тем, что он служит царю «гнусным делом содомским», «а я, происходя из знатного рода, служу Государю на славу и пользу Отечеству».

Басманов пожаловался царю. Тот призвал Овчину к себе и велел ему выпить одним духом большой кубок вина. Боярин не мог осилить и половины, и тогда Грозный сказал: «Вот так-то ты желаешь добра своему Государю! Не захотел пить, ступай же в погреб, там есть разное питье. Там напьешься за мое здоровье». В погребе несчастного уже ждали палачи, которые его задушили²³². При этом расправа с М. Репниным (виноватым, помимо поражения под Оршей, и в том, что он отказался надеть шутовскую маску и в ней плясать), Ю. Кашиным и Ф. Овчиной имела место в начале 1564 г., пока престол митрополита (после смерти 31 декабря 1563 г. Макария) был вакантен, без «совета» с высшим духовенством и боярством²³³.

При этом, если говорить о причинах учреждения Опричнины, то нельзя даже сказать, что «чрезвычайная ситуация (по крайней мере, внешнеполитическая) требовала чрезвычайных мер» (это вообще стандартное оправдание для наших «борцов за несвободу» – мол, «время было такое»): даже если не говорить о том, что военные неудачи и боярские измены явно начались *после* самодержавного поворота царя,

²³² Штаден Г. Записки о Москве Ивана Грозного. М., 1925. С. 96.

²³³ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 179.

положение дел в середине 1560-х гг. отнюдь не было критическим. Военные действия шли с переменным успехом: после победы на Улле литовцы осенью 1564 г. без толку простояли под Полоцком, от которого отошли ввиду приближения войск В. С. Серебряного и К. И. Пронского; столь же неудачны были их действия под Черниговом и Альстом в Ливонии. Более того, в ответ на наступление литовцев русские 6 ноября 1564 г. взяли и сожгли Озерище; в огне погибла значительная часть гарнизона и жителей. А союзник Литвы крымский хан, так и продолжавший с самого 1555 г. войну с Россией (точнее, в феврале 1564 г. он заключил было мирный договор с нашей страной, но уже осенью его нарушил)²³⁴, пытался взять Рязань, но после нескольких неудачных штурмов вернулся восвояси несолоно хлебавши²³⁵.

Отметим, что штурм Рязани 2 октября русские отбили под предводительством или как минимум при большой роли уже упоминавшегося Алексея Басманова²³⁶. Это – один из немногих опричников, который умел воевать не только со своим народом, а не раз отличался и в боях с врагами. Примерно так же шли военные действия и в 1565 г.: в июне крымчаки потребовали от России ни много ни мало отдать им Казань и Астрахань, однако осада ими Волхова с 7 по 17

²³⁴ ПСРЛ. Т. XIII. С. 380–388.

²³⁵ *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 158.

²³⁶ ПСРЛ. Т. XIII. С. 388–391.

октября того же года кончилась неудачей²³⁷. Литовцы весной разорили Псковские земли до Острова, но в ответ летом русские под началом все того же В. С. Серебряного разбили их под Смилтенем и подошли к Вендену (ныне Цесис в Латвии) и Вольмару (ныне Валмиера в Эстонии)²³⁸.

Перипетии учреждения Опричнины хорошо известны, повторим их вкратце, отметив только, что Опричнина началась почти ровно за 370 лет до сталинского Большого Террора. В начале декабря 1564 г. (за 370 лет до убийства Кирова) царь объявил: ему, мол, «сделалось известно», что «многие» не терпят его, не желают, чтобы царствовал он и его наследники, злоумышляют на его жизнь, посему он намерен отказаться от престола и передать правление «всей земле». Говорят, что при этих словах царь положил на землю царские регалии. 3 декабря он выехал из Москвы через Троицу в Александрову слободу (ныне г. Александров Владимирской области). При этом всем находившимся в Москве дворянам и детям боярским приказано было сопровождать его в качестве стражи. Отправились с монархом и его любимцы – тот же Алексей Басманов, М. Салтыков, А. Вяземский и другие²³⁹. Царь положил опалу в том числе и на казначея Фуникова, а из Москвы забрал и деньги, и драгоценности, что грозило

²³⁷ Там же. С. 399.

²³⁸ Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1901. С. 681; Псковские летописи. Т. 2. М., 1955. С. 247–248.

²³⁹ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 373.

расстроить работу всего государственного аппарата²⁴⁰.

А уже 3 января 1565 г. от царя пришла грамота митрополиту о том, что монарх «гнев свой положил на... все духовенство, бояр, окольных, дворецкого, казначея, конюшего, дьяков, детей боярских, приказных людей...» Далее следовали обвинения в злоупотреблениях начиная с малолетства Ивана Васильевича, в том, что перечисленные лица, а также бояре и воеводы «собирают богатства, а о государстве не радуют», притесняют «христиан», убегают от службы, а когда царь хочет их наказать, то духовные заступаются за виноватых. Духовные, мол, заодно с боярами и дворянами (обратим внимание: во «враги» записываются уже не только князья и бояре, но и дворяне) и приказными людьми (уже и «приказная бюрократия» – враги; кто же тогда друзья?!), покрывают их перед государем. Поэтому государь «не хочет более терпеть их изменных дел и поехал поселиться туда, где его Господь Бог наставит»²⁴¹. Эволюция взглядов Ивана Грозного за 1560–1565 гг. чем-то напоминает эволюцию взглядов Ленина от «за нами громадное большинство народа» (осень 1917 г.) до «нас поддерживает только меньшинство сознательных рабочих, а остальные симпатизируют меньшевикам и анархистам» (начало 1921 г.). Правда, царь пока еще не «опалился» на третье сословие (в послании специально оговаривается, что «гостям, купцам и всему московскому наро-

²⁴⁰ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 208.

²⁴¹ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 374.

ду» волноваться нечего, что «на них от царя нет ни гнева, ни опалы»), но, как мы скоро убедимся, недолго осталось...

Население Москвы охватил ужас, который едва ли уменьшился от упомянутой оговорки. Еще бы, по понятиям того времени то, что монарх бросил свой народ, тем более в военное время, было катастрофой. И отнюдь не только в России. Французы или испанцы XVI в., думается, пришли бы от подобного решения монарха в не меньший ужас. Вот только ни Карл IX Французский (правил в 1560–1574 гг.), ни даже Филипп II Испанский (об этом тиране впереди еще будет разговор) почему-то своих подданных так не шантажировали и третье сословие «изменным» двум первым не противопоставляли. Я не оговорился – это именно шантаж: или давайте мне ничем не ограниченные полномочия (вопреки статье 98 никем не отменявшегося Судебника 1550 г., кстати), или – «кошка бросила котят, пусть гуляют, как хотят». Плюс материальное давление в виде вывоза денег и драгоценностей...

Как принято считать, кончилось тем, что народ возопил: мол, не отдавай нас, отец родной, «волкам» на расхищение, избавь нас от рук «сильных людей», укажи только государевых изменников, а мы сами их истребим и т. д.²⁴² Отметим, что Р. Г. Скрынников считает чрезмерным преувеличением летописца верноподданническое единодушие москвичей, которые-де вызвались «сами истребить государевых

²⁴² ПСРЛ. Т. XIII. С. 393.

изменников». Народу, резюмирует он, не за что было благодарить самодержца, его царствование ознаменовалось бесконечными войнами и резким ростом податей²⁴³. Позволю себе, однако, не согласиться, тем более что в другом месте тот же автор говорит, что царь «пользовался популярностью в народе, поведение столичного населения в дни отречения царя перед Опричниной не оставляет сомнений в этом»²⁴⁴: ужасы опричного террора и для основной массы бояр были еще впереди, а для простого народа тем более. Основные внешнеполитические неудачи тоже были делом будущего, пока же они только начинались и, конечно, еще не могли затмить предыдущие блестящие победы, от взятия Казани до взятия Полоцка. На тот момент Иван Грозный в глазах очень многих еще сохранял образ «либерального» реформатора и успешного правителя. Эффективного менеджера, как сказали бы сейчас.

Этого не отменяют и цитированные выше слова царских приспешников об Адашеве и Сильвестре – мол, народ их любит и может нас камнями побить. Тут имелся в виду потенциальный гнев народа против «плохих бояр», а не против царя. По тем временам – опять-таки отнюдь не специфика России, на Западе тоже так было.

Итак, перипетии возникновения Опричнины хорошо известны. Менее известно, что никто толком не мог понять,

²⁴³ *Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 164.*

²⁴⁴ *Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 502.*

зачем Опричнина была нужна царю. Так, немцы-опричники Таубе и Крузе писали, что он просто «хотел удовлетворить своей ядовитой тиранской склонности»²⁴⁵. Вот и Н. И. Костомаров дает объяснение в том же духе: «Напрасно старались бы мы объяснить его злодеяния какими-нибудь руководящими целями и желанием ограничить произвол высшего сословия, напрасно пытались бы мы создать из него образ демократического государя. С одной стороны, люди высшего сословия отнюдь не стояли в Московском государстве к низшим слоям общества так враждебно, чтобы нужно было из-за народных интересов начать против них истребительный поход... С другой стороны, свирепость Ивана Васильевича постигала не одно высшее сословие, но и народные массы (причем, как мы далее увидим, в масштабах куда более значительных. — Д. В.)»²⁴⁶.

Однако объяснения в духе Таубе и Крузе в политике, как правило, не работают. Что же касается объяснения Костомарова, то позволю себе напомнить: цели могут быть и совсем иные, чем упомянутые им, — например, не обязательно «ограничить произвол высшего сословия» или ограничить только затем, чтобы заменить один произвол другим, еще худшим, и быть «недемократическим» государем. Тот факт, что оборона от внешних врагов и защита пограничных укреплений поручались Земщине, а не Опричнине (подтвер-

²⁴⁵ Цит. по: Куковенко В. Указ. соч. С. 205.

²⁴⁶ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 367.

ждаемый тем, что все пограничные области остались в Земщине. – Д. В.), но зато в Опричнину перешли самые богатые земли, например, экономически более развитые и к тому же дававшие пошлины от английской торговли северные районы («бездонная денежная бочка», по выражению Дм. Володихина), а также самые плодородные земли Центра²⁴⁷, достаточно ясно подтверждает: Опричнина создавалась для войны со своим народом!

²⁴⁷ Володихин Дм. Указ. соч. С. 181; Мадариага И. де. Указ. соч. С. 260–261.

Из кого набиралась опричная гвардия?

Итак, Иван Васильевич «демократическим» государем и не стал в плане опоры на массу дворянства, не говоря уже о народе, каковой опоры у «опричного» начала, вопреки расхожему мнению, не было. Р. Г. Скрынников пишет, что царь отказался от ориентации на дворянское сословие в целом («воинников» Ивана Пересветова) и решил собрать особый охранный корпус из относительно небольшого числа дворян. Его члены пользовались всевозможными привилегиями в ущерб остальному служилому сословию²⁴⁸. Большая же часть мелких помещиков осталась в Земщине и терпела различные злоупотребления наравне с прочими земскими²⁴⁹. Таубе и Крузе сообщают, что дети боярские, выводимые из Опричнины в Земщину, не могли взять с собой даже движимое имущество, не говоря уже о том, что теряли свои имения, тогда как опричники свои владения в земских уделах сохраняли²⁵⁰. Таким образом, резюмирует Скрынников, пожелания Пересветова относительно царской щедрости к «воинникам» получили уродливое воплощение в опричных

²⁴⁸ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 151.

²⁴⁹ Там же. С. 167.

²⁵⁰ Цит. по: Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 201.

привилегиях²⁵¹.

С учетом всего сказанного становится понятнее сам принцип формирования Опричнины. Для организации новой «опричной гвардии» из многих городов и уездов было собрано 12 000 дворян, которых тщательно проверяла особая комиссия. Критерии отбора, к сожалению, до нас не дошли, зато известно, что отбор прошли всего 570 человек, т. е. 4,75%. Это притом что всего опричников была тысяча человек (в дальнейшем их число возросло до 6000)²⁵². Но о том, кто были остальные 430, мы еще скажем чуть ниже, а пока отметим, что отбор 570 человек из 12 000 – это не самое удивительное; самое страшное и непонятное – участь остальных 95,25%: «Другие... были изгнаны страшным и безжалостным образом из унаследованных от отцов имений, и так, что они не могли взять с собою даже движимое имущество и вообще ничего из своих имений... и они должны были идти пешком... зимой среди глубокого снега... если кто-либо из горожан в городах или крестьян в селах давал приют... хотя бы на один час, то его казнили без всякой пощады. Мертвый не должен был погребаться на его земле, но сделаться добычей птиц, собак или диких зверей», – свидетельствуют те же Таубе и Крузе)²⁵³.

Кстати, странно выглядит в свете этого утверждение Р.

²⁵¹ *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 294.

²⁵² *Валишевский К.* Указ. соч. С. 266.

²⁵³ Цит. по: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 244.

Г. Скрынникова о том, что Иван Грозный добился обязательной военной службы дворян не путем насилия (как, мол, принято в азиатских странах), а путем своего рода общественного договора: обеспечить имениями в обмен за службу²⁵⁴. Нечто подобное, скорее, стало при первых Романовых (об этом в конце книги), но не при Грозном, когда никто не имел никаких прав – сословных, имущественных или каких-либо других, когда ни жизнь, ни собственность служилому человеку (как, впрочем, и никому, включая, как мы далее увидим, и опричников) гарантирована не была.

Но вернемся к отбору кандидатов в Опричнину. Даже при Сталине тех, кто не прошел отбор в училища НКВД, все же не репрессировали за одно это. Так что зря Иосиф Виссарионович Ивана Васильевича «хлюпиком» обзывал. Вообще, похоже на то, что из трех «великих душегубов» русской истории (третий – Петр I) Сталин был, как ни дико это звучит, самым гуманным. Но эту проблему мы еще обсудим, когда речь дойдет до количественного анализа жертв Опричнины.

А пока, отметив еще, что Опричный двор насчитывал 100–200 человек, а потом вырос до 300²⁵⁵ (столько же насчитывало и пресловутое «опричное монашеское братство»²⁵⁶; логично предположить, что именно Опричный двор в него и входил), вернемся к первым после введения Оприч-

²⁵⁴ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 368–370.

²⁵⁵ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 223.

²⁵⁶ Валишевский К. Указ. соч. С. 383.

нины репрессиям. Новые казни не заставили себя ждать. Так, 7 февраля 1565 г. был казнен покоритель Казани, которого Иван Грозный считал самым опасным соперником в борьбе за власть (намного опаснее Владимира Старицкого), – Александр Горбатый Шуйский вместе с сыном Петром. Иван Грозный не хотел, как он заявил, возвращаться в Москву, пока этот «главный изменник» жив, сделал он это только 15 февраля с тем условием, что теперь вольно ему класть опалы на «изменников» и на «пособников», казнить, отбирать имущество, и чтобы при этом духовные не смели надоедать ему просьбами о помиловании опальных. По Таубе и Крузе, Горбатого обвинили в попытке узурпации трона; Р. Г. Скрынников констатирует, что при выборной монархии он действительно имел бы большие шансы на корону²⁵⁷.

Само собой напрашивается сравнение этого условия – класть опалы на «изменников» и «пособников», казнить, отбирать имущество и т. д. «по своей воле» – с известным постановлением от 1 декабря 1934 г. об ускоренном судопроизводстве над «врагами народа» без права обжалования приговора и с приведением его в исполнение в 24 часа. Помимо всего прочего, теперь царь занялся исправлением летописей прямо в духе романа Дж. Оруэлла «1984» («упомянуты нелица, переписать сквозь») с вычеркиванием имен опальных. Р. Г. Скрынников считает, что это делалось именно потому, что никаких реальных доказательств вины казненных

²⁵⁷ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 214, 240.

не было²⁵⁸, хотя я не думаю, что это была единственная причина. В конце концов, в виде доказательства могли ведь и вынудить признаться под пыткой. Или, как уже говорилось, царь просто не мог до определенного момента переступить какую-то грань, как Сталин примерно до весны 1937 года?

Вернемся к лишенным всего дворянам и детям боярским – несостоявшимся опричникам. Кроме них, уже летом 1565 г. знатнейшие русские князья – Оболенские, Суздальские, Ярославские, Ростовские, Стародубские и т. д. – были вместе с семьями отправлены в ссылку на Волгу (Казань, Свияжск, Чебоксары). При этом они значительно проиграли материально: так, сосланные в Заволжье князья Куракины и Андрей Катырев-Ростовский при поместном окладе в 1000 четвертей получили (под Казанью) 120–130 четвертей, другие – еще меньше, например, 12 князей Гагариных получили одно крошечное поместье на всех. Для сравнения: в Центральной России помещикам жаловали за службу, в зависимости от звания и заслуг, от 100 до 350 четвертей²⁵⁹.

Конфисковали у ссыльных в старых владениях, во всяком случае, в разы, а то и на порядок больше – например, у князя Д. Ю. Меньшого Сицкого отняли 4800 четвертей²⁶⁰. Через несколько лет (точнее, после 1 мая 1566 г.) царь «простил» их и разрешил вернуться, однако большая часть вы-

²⁵⁸ *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 170.

²⁵⁹ *Мадариага И. де.* Указ. соч. С. 173.

²⁶⁰ *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 173–176.

сланных к тому времени уже погибла, и воспользоваться царской «милостью» смогли немногие²⁶¹. Кстати, сколько таких было всего? Ссылных насчитывалось минимум 600–700 человек (с женами и детьми)²⁶², а сколько было амнистировано? Мы не знаем, но подозреваем, что немного, иначе об этом было бы широко объявлено официально, а нынешние апологеты Грозного не замедлили бы привести это как пример великодушия.

К тому же надо иметь в виду, что ссылных отправляли на новое местожительство в спешке, часто с применением насилия, не давая вывезти имущество. Чуть ли не как при Сталине (от 30 минут до 12 часов на сборы). В итоге после «прощения» бедолаги часто отдавали свои имения в монастыри ввиду плохого их состояния. Плюс продолжала играть роль неуверенность в будущем: мы наладим дела, а вдруг имения снова отберут?²⁶³

А теперь – главный вопрос: зачем все это делалось? На него можно ответить, поставив другой вопрос: кто получал земли как не прошедших отбор в Опричнину дворян, так и репрессированных князей?

Начнем с того, что провозглашенная при введении Опричнины опала всему служилому классу позволяет говорить о том, что царь задумал полную или почти полную сме-

²⁶¹ Куковенко В. Указ. соч. С. 211.

²⁶² Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 247–250.

²⁶³ Там же. С. 260.

ну боярства и дворянства, – примерно так же, как Сталин задумал свой Большой Террор как смену «ленинской гвардии» своими выдвиженцами – номенклатурой. Кем же заменяли старое боярство и дворянство?

Так вот, на землях изгнанных селились опричники. И вот тут начинается самое интересное. Выше я писал о возможном влиянии выходцев из бывшей Золотой Орды на исход политической борьбы в Московской Руси в 1560-х гг. Так вот, национальный состав опричников был, судя по всему, совсем не такой или как минимум не совсем такой, как мы привыкли думать.

Вот для примера писцовая книга Коломенского уезда за 1575 год. Из 300 дворян – два грека, 5 «новокрещенов» (национальность их непонятна), 6 литовцев и немцев, 105 (!) служилых татар и три «вдовы татарки»²⁶⁴. Татар, таким образом, более трети. Но это – 1575 год, через десять лет после начала Опричнины. Как мы далее увидим, национальный состав последней к тому времени станет куда более разнообразным, чем при начале ее. А как обстояли дела в середине 1560-х гг.? Есть основания думать, что выходцев из Орды было значительно больше.

Так, В. Куковенко приводит список помещиков, получивших уделы в Бежецкой и Вотской пятинах в 1565–1566 гг. (109 имен), среди которых подавляюще преобладают мусульманские фамилии и имена, а русские имена указывают

²⁶⁴ Цветков С. Э. Указ. соч. С. 353.

лишь на православное вероисповедание. И ни про одного нельзя сказать с уверенностью, что он русский! Интересно, что эти поместья «запустили» в 1571–1572 гг., но к этому вопросу мы еще вернемся.

А пока среди многих свидетельств авторов русских и иностранных о злодеяниях опричников обратим внимание на слова англичанина Джерома Горсея, которого цитирует Куковенко: «*Своему народу* (выделено мною. – Д. В.) он противопоставлял отъявленных негодяев»²⁶⁵. Примерно то же в своем «Временнике» сообщает Иван Тимофеев: «а вместо/перебитых опричниками вельмож/... возлюбил (Иван Грозный. – Д. В.) приезжающих к нему *из окрестных стран* (выделено мною. – Д. В.), осыпав их большими милостями»²⁶⁶.

Собственно, вся статья В. Куковенко – статистический анализ состава опричников с констатацией факта преобладания тюркского этнического элемента. Кстати, созданная Грозным привилегированная личная гвардия, «опричная тысяча» из детей боярских²⁶⁷, подозрительно напоминает тысячу личной охраны великих каганов-Чингизидов, рядовой которой по статусу был выше армейского тысячника; есть основания думать, что именно от Чингисхана Иван

²⁶⁵ Куковенко В. Указ. соч. С. 205–208.

²⁶⁶ Временник Ивана Тимофеева. М.-Л., 1951. С. 174.

²⁶⁷ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 169.

Грозный это охранное подразделение и заимствовал²⁶⁸. К тому же, как считает И. де Мадариага, Грозный больше доверял татарам, чем своим боярам – Рюриковичам и Гедиминовичам, так как первые, в отличие от вторых, не могли претендовать на московский престол²⁶⁹. То есть это он так считал, и тут он ошибался, но об этом ниже.

Сразу оговариваюсь: в отличие от Куковенко, который, по-видимому, является русским националистом и представляет Опричнину как подавление русских инородцами, я, придерживаясь евразийского подхода, ставлю на первое место социальный аспект. Но об том – в следующей главе, а пока – немного статистики.

Не говоря уже о массовом выходе кипчаков на территорию домонгольской (со времен Владимира Мономаха) Руси, переселение ордынцев на Русь началось еще с 1312 г., после объявления ислама государственной религией Орды, когда его осуществила та часть подданных хана, которая не хотела переходить в ислам²⁷⁰

²⁶⁸ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 28–30.

²⁶⁹ Мадариага И. де. Указ. соч. С. 266.

²⁷⁰ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. С. 538.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.